

A romantic illustration of a man and a woman in a library. The man, with dark hair and a light blue shirt, is leaning his head against the woman's forehead. The woman has long, wavy red hair and is looking out a window with rain on the glass. Bookshelves filled with books are visible in the background.

—◆— Кира Лафейсон —◆—

Узнать тебя заново

18+

Кира Лафейсон

Узнать тебя заново

«Автор»

2026

Лафейсон К.

Узнать тебя заново / К. Лафейсон — «Автор», 2026

Рейвен не ищет спасения — она ищет повод для войны. Потеряв родителей, она получает нового опекуна и ставит себе цель: довести его до нервного срыва. План прост: хаос, ярость и ежедневный вынос мозга, пока от невозмутимости Итана не останется мокрая клякса. Но Итан — скала, а Рейвен — ураган. Между ними семейная тайна, ложь и пугающее влечение, которое вообще не вписывается в план по уничтожению друг друга. И что делать, если ты — лед, а твой единственный союзник — ходячий апокалипсис?

© Лафейсон К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15	38
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Глава 19	47
Глава 20	49
Глава 21	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кира Лафейсон

Узнать тебя заново

Часть 1

Глава 1

Серое полотно неба накрыло кладбище, вымывая из мира все цвета, оставляя лишь оттенки свинца и пепла. Дождь шел без остановки, монотонно и беспощадно.

Рейвен стояла у края свежей могилы. Ей казалось, что земля под ногами вот-вот разверзнется – или уже разверзлась, просто она еще не успела упасть в эту бездну. Промокшее платье липло к телу, неприятно холодя кожу. Она не помнила, как одевалась. Не помнила, как садилась в машину. Не помнила даже дороги.

В сознании, словно заезженная пластинка, пульсировали лишь слова полицейского, произнесенные пугающе ровным голосом: – Мисс Тейлор... крупное ДТП на трассе... ваши родители... никто не выжил...

Тогда, стоя на пороге собственного дома, всё еще в пижаме, с чашкой остывшего чая в руках, она почувствовала, как её мир раскололся на «до» и «после». Двое мужчин в форме смотрели на неё со смесью профессионального сочувствия и ледяной отстраненности. В голове что-то щелкнуло. Сломалось. Она не заплакала – она просто смотрела сквозь них, на дверной косяк, на трещину в штукатурке, которую отец всё собирался сделать... но так и не заделал. Маленькая домашняя мелочь. Незначительный изъян, который он уже никогда не исправит.

Рейвен моргнула, возвращаясь в реальность. Здесь, в нескольких метрах под свежим слоем сырой земли, лежали двое. Люди, которые научили её завязывать шнурки, читать по слогам и не бояться темноты. Те, кто смеялся на кухне по утрам, спорил из-за забытого молока и каждый вечер желал спокойной ночи – даже когда она упрямо твердила, что уже взрослая. Теперь родители молчали. Навсегда.

Слёзы всё же пришли – медленно скатывались по бледным щекам, смешиваясь с ледяной моросью. Плечи мелко дрожали, но Рейвен не издавала ни звука – внутри образовался вакуум, который пожирал любой крик, не давая ему вырваться наружу.

Сбоку священник читал молитву. Слова долетали до неё, словно сквозь толщу воды: отрывисто, бессмысленно, чуждо. Дождь сек по лицу, но она уже не чувствовала боли. Мир вокруг казался выцветшим, серым, будто кто-то намеренно выкрал из него саму жизнь.

И вдруг она почувствовала на себе взгляд. Холодный. Тяжелый. Осязаемый.

Медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, она подняла голову и повернула влево. Там, за оградой, под сенью раскидистого старого дуба, стоял мужчина.

Их взгляды встретились – и само время, казалось, дало трещину. В груди что-то оборвалось, рухнув в ледяную пустоту. Она узнала этот взгляд мгновенно.

Итан Блэквуд. Человек, которого она видела в жизни всего пару раз. Последний раз – когда ей было семь. Сквозь пелену дождя и боли промелькнули обрывки воспоминаний: он приезжал на Рождество, дарил подарки, а потом исчез на долгие годы. Ни звонков, ни писем. Ни единого следа.

Его называли «дядей», хотя она никогда не знала, насколько это слово было буквальным. Он не казался родным братом её матери – скорее... кем-то иным. Призраком из прошлого? Дальним, почти забытым родственником? Родители всегда говорили: «Наш Итан», но никто никогда не объяснял, что стоит за этим «наш».

Сейчас он стоял неподвижно, прислонившись плечом к стволу старого дуба и крепко сцепив руки перед собой. Высокий – намного выше, чем она помнила. Черный, строгий костюм сидел на нем безупречно, дорого, – так одеваются люди, привыкшие контролировать не только окружающий мир, но и само пространство вокруг себя.

Его лицо казалось высеченным из камня, который затем небрежно, грубо обработали резцом. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза – серые, с холодным металлическим отливом.

Эти глаза видели слишком много и теперь смотрели на мир без тени иллюзий. В них не было ничего: ни боли, ни сожаления, ни даже той вежливой печали, которую люди надевают на похороны, словно маску. Широкие скулы, нос с легкой горбинкой, безэмоциональная линия губ, редко знавшая улыбку, и тяжелая, волевая челюсть, заросшая двухнедельной щетиной. Это не выглядело неряшливо – скорее так, будто он просто не счел нужным тратить время на бритье.

Рейвен смотрела на него, и собственное горе вдруг показалось ей чем-то почти неприличным. Словно только она одна здесь чувствует. Одна дышит. Одна разваливается на куски.

– Кто это? – прошептал кто-то позади.

– Говорят, брат матери... – отозвался другой голос.

– Странный какой-то. Даже не подошел.

Мокрые ресницы липли к векам. Рейвен сглотнула ком в горле, вытерла щеку тыльной стороной ладони и снова уставилась на Итана. На краткий, безумный миг ей показалось, что он сейчас сделает к ней шаг. Схватит за плечи и прижмет к себе так сильно, что затрещат кости. Скажет хоть слово – пусть самое жестокое, но живое. Но вместо этого по его лицу скользнула тень – быстрая, резкая, как удар ножа. Итан опустил взгляд на могильный холмик и едва заметно склонил голову. Это был слишком короткий, слишком холодный жест, чтобы считаться соболезнованием. Скорее – прощание с тем, что он когда-то сам потерял. А затем он отвернулся и медленно пошел прочь.

Его черный силуэт таял в серой пелене дождя, а Рейвен не могла отвести взгляд. Ей казалось, что между ними натянулась невидимая нить – тонкая, как стальная струна, готовая лопнуть от любого движения.

«Почему не подошел? Почему не обнял?»

Он ведь узнал её. Она видела это в его глазах – за ту секунду, прежде чем он снова стал чужаком. Она стояла, не чувствуя холода, ощущая лишь жгучую, невыносимую пустоту. И в этой пустоте билось одно-единственное, отчаянное желание: догнать. А потом... Что потом?

В этот миг – всего на одно бесконечное мгновение – внутри неё что-то сдало. Она была готова. Впервые за долгое время была готова забыть, что они чужие. Забыть все обиды, лишь бы он остановился, лишь бы обернулся. Но Итан не обернулся.

И чем дальше он уходил, тем отчетливее Рейвен понимала: этот холод – не маска. Это приговор. Он не просто отвернулся – он отрезал её, как ненужный лоскут прошлого. В его движениях не было колебаний, только ледяная, безупречная решимость идти прочь.

И в ту самую секунду, когда его спина почти растворилась в завесе дождя, во взгляде Рейвен что-то погасло. Словно внутри щелкнул невидимый рубильник. Всё: вспыхнувшее тепло, отчаянная, болезненная надежда – всё ушло. Она смотрела ему в спину уже не с мольбой. Теперь в её глазах застыло то самое ледяное равнодушие, которое она только что увидела в его взгляде.

Глава 2

Несколько недель спустя...

Линия баса пульсировала сквозь стены старого особняка, разрывая тишину двора вместе с кислым запахом пролитого пива и дешевых духов. Итан заглушил двигатель своего «Лексуса» и на мгновение задержал пальцы на руле, позволяя тишине салона впитать последнюю секунду покоя. Он знал, что это за место. Полиция приезжала сюда дважды за последний месяц.

Выйдя из машины, он глубоко вздохнул, собрал остатки терпения в кулак и, подойдя к открытым воротам, ступил в липкий полумрак вечеринки.

Внутри было душно. Тела двигались в такт музыке, подсвеченные стробоскопами; создавалась иллюзия рваного, нервного танца. Итан не тратил времени на поиски по комнатам – он сразу прошел в гостиную, где толпа была плотнее.

Он был из тех мужчин, чью фигуру замечаешь первой – еще до того, как успеваешь разглядеть лицо. Высокий, широкоплечий, с тем особенным сложением, которое выдает не просто тренировки в зале, а привычку к дисциплине и физической мощи. Ни одной лишней линии: под тканью белой рубашки угадывались сухие, рельефные мышцы – не «качковые», а поджарые, созданные для выносливости. Он двигался с той спокойной, хищной грацией, которая свойственна людям, настолько уверенным в себе, что им не нужно ничего демонстрировать.

Рейвен стояла в центре комнаты, на низком журнальном столике. Её темные волосы разметались мокрыми прядями по лицу и плечам. Майка на бретельках сбилась набок, обнажая линию кружевного бюстгалтера. Она танцевала так, будто хотела проломить собой стол. Резко, отрывисто, агрессивно – запрокидывая голову и проводя ладонями по бедрам. В этих движениях не было изящества – в них была только ярость, переплавленная в ритм. Рядом с ней кто-то из парней пытался подстроиться под её темп, но она не замечала его, упираясь остекленевшим взглядом в потолок.

Итан подошел к столику и взял её за запястье – аккуратно, но с той железной хваткой, которая не допускает возражений.

– Рей, слезай. Поехали, – произнес он, не повышая голоса.

Она дернулась, словно от удара током. Мутный, пьяный взгляд сфокусировался на нем. Сначала – дезориентация, затем – буря неповиновения. Суровость читалась в ней невооруженным взглядом, как вызов, который он даже не пытался скрыть. В напряженном изгибе бровей, в вертикальной складке между ними, в том, как он держал голову, чуть наклоненную вперед. В нем не было ни капли той холеной, киногоничной красоты, которая располагает к себе. Он был слишком реальным, слишком тяжелым.

– Опять ты? – процедила Рейвен, вырывая руку. Голос был силовым, с надтреснутой хрипотцой. – Не трогай меня!

Казалось, сам воздух вокруг них стал плотнее, тяжелее, наэлектризованным.

– Я сказал: поехали, – повторил Итан тем же тоном. В нем не было раздражения, но желваки на его челюсти обозначились резче.

Рейвен прыгнула со столика. Её качнуло, и она вцепилась в спинку ближайшего дивана, чтобы не упасть. Устойчивость подвела, но не гордость. Она вскинула подбородок, и прямо здесь, на сцене чужого веселья, начала свою трагедию.

– Ты мне вообще никто! – выкрикнула она, и несколько человек в толпе обернулись. – Дядя по бумажке, которого я видела раз в год на дурацких ужинах! Думаешь, если подписал какие-то гребаные документы, то можешь теперь врываться в мою жизнь и командовать?!

Она шагнула вперед, почти наступая на него. В ее зрачках плескался алкоголь, но за ним горело что-то настоящее, острое и невыносимое – та самая боль, которую она больше не могла выражать иначе, кроме как через ярость.

– Мне через два месяца восемнадцать! И я больше не собираюсь играть в твою гребаную «семью»! Ты понял?! – она выкрикнула это прямо ему в лицо. – Убирайся отсюда, Итан! Хватит меня позорить!

Она толкнула его в грудь обеими ладонями. Удар вышел слабым – он даже не шелохнулся. Стоял, как скала, вросшая в паркет, и смотрел на неё сверху вниз. В его взгляде, темном и пугающе спокойном, не было злости. Только бесконечная, свинцовая усталость.

– Наоралась? – спросил он тихо.

– Пошел ты! – слезы, неожиданные и злые, брызнули из её глаз. – Ты не понимаешь! Ты вообще чувствуешь хоть что-то?! Ходишь тут, как робот, как... как будто ничего не случилось! Они погибли! Мои родители погибли! А ты приходишь, молча жуешь свой чертов ужин, уходишь в кабинет и делаешь вид, что всё нормально! А у меня всё горит внутри!

Голос сорвался на визг. Она зажмурилась, и по щекам потекли черные дорожки размазанной туши. Рейвен била его словами, как плетью, но Итан видел: она бьет не его. Она бьет пустоту. Кричит в ту самую черную дыру, которая разверзлась под ней ранним утром, когда она открыла дверь полицейским.

Она сделала шаг назад, споткнулась о чей-то рюкзак и начала заваливаться назад. Итан автоматически подхватил её за локоть.

– Руки убрал! – рявкнула она, яростно вырывая руку. – Не прикасайся! Ты мне не нужен! Слышишь? Я справлюсь сама!

– Знаю, что справишься. Но не здесь, – сказал он. На последнем слове его голос дрогнул – едва заметно, почти неуловимо.

Рейвен замерла, всхлипывая. Толпа вокруг начала таять: кому-то стало скучно, кто-то отвел взгляд, чувствуя себя лишним свидетелем чужой проблемы. Итан ждал, не отпуская ее локоть. Его пальцы были прохладными и сильными, рука не дрожала, хотя внутри всё скручивалось в тугую, болезненную пружину.

Крик Рейвен бил по самому больному, потому что он действительно не знал, как ей помочь. Он руководил компанией, покупал продукты, проверял почту, оплачивал счета – и каждую ночь сидел в кабинете с чашкой остывшего чая, мучительно думая, что он делает не так.

– Рейвен, – позвал он тихо, наклоняясь к её уху, чтобы перекрыть грохот музыки. – Мы поедem домой. Там будет горячий душ и аспирин. Ты выступишься. Завтра будет новый день.

– Ты не понимаешь, – повторила она, но уже тише, почти шепотом. И в этом шепоте вдруг проступила не злость, а усталость – такая же огромная и беспросветная, как его собственная. – Совсем не понимаешь.

– Понимаю, – ответил он. – Знаю, каково это – остаться без всех сразу.

Она подняла на него мокрые глаза. В них вспыхнуло удивление – она не знала этой его стороны. Не знала его истории. Но сейчас было не время для откровений.

– Идем, – сказал Итан, протягивая ей руку. Это не было требованием или приказом. Просто открытая ладонь.

Рейвен смотрела на неё долгую, тягучую секунду. Внутри всё еще клокотала буря, но сил на новую атаку не осталось. Она шмыгнула носом, вытерла лицо ладонью, окончательно размазывая тушь по щекам, и, не приняв его руки, молча шагнула мимо него к выходу.

Итан выдохнул и пошел следом.

Сев в машину на заднее сиденье, она так шарахнула дверью, что у Итана на лице пробежала искра глухого раздражения. Рейвен заметила это и криво усмехнулась.

– Seriously? – хмыкнула она, просто не веря, что кусок железа способен выбить его из равновесия, в то время как человеческие чувства – нет.

Он сел за руль и завел двигатель. Из динамиков полилась тихая, спокойная инструментальная музыка. Когда машина тронулась, Рейвен прошептала, почти не шевеля губами, прижавшись лбом к холодному стеклу:

– Я больше не хочу никого терять...

Итан сделал вид, что не услышал. Он лишь сжал руль так сильно, что побелели костяшки пальцев. Он не уйдет. Не оставит. Даже если она будет отталкивать его снова и снова.

Глава 3

Дом Итана вызывал у Рейвен лишь глухое, зудящее раздражение. Он стоял в элитном районе, утопая в зелени идеально подстриженных газонов и безупречных живых изгородей. Фасад из светлого камня, широкие окна, парадная дверь из тяжелого массива – все это кричало о статусе, силе и непоколебимом благополучии. Для неё это был не дом, а муляж. Витрина, за которой никто не жил по-настоящему.

Когда они подъехали, фонари у входа горели мягким, приятным желтым светом. Итан заглушил мотор, вышел первым и открыл дверь с ее стороны.

– Боишься, что я снова хлопну дверь и это вызовет у тебя приступ истерики? – выплюнула она, буквально вываливаясь из машины, едва держась на ногах.

Итан проигнорировал выпад.

– Зачем ты привез меня сюда? – буркнула она, глядя на фасад с плохо скрываемой неприязнью. – Я могла бы остаться у подруги.

– У какой? – спросил Итан, закрывая дверь. – Рейв, это теперь и твой дом тоже.

Она не ответила и шатаясь направилась к крыльцу. Каждая ступенька давалась с трудом – Рейвен хваталась за перила, спотыкалась, но упрямо лезла вверх, наотрез отказываясь принимать помощь.

Итан шел следом, соблюдая дистанцию. Он не настаивал на поддержке, но и не упускал её из виду ни на секунду. Его спина оставалась прямой, плечи – расправленными. Даже в полночь, после тяжелого дня, он сохранял пугающую собранность, словно вышел не забирать бунтующую племянницу из клуба, а на важную деловую встречу.

Дверь открылась с тихим щелчком замка. Внутри царили темнота и оглушительная тишина. Лишь слабый свет из прихожей падал на глянцевый паркет и лестницу, уходящую на второй этаж. Домработница и садовник уже спали в своих комнатах – или делали вид, что спят, лишь бы не пересекаться с разборками хозяев.

Рейвен шагнула внутрь и замерла. Её взгляд мертвым маятником прошелся по знакомому интерьеру: высокие потолки с лепниной, диван из светлой кожи, стеклянный столик на хромированных ножках, ваза с цветами – разумеется, свежими, еженедельно обновляемыми. Всё было стерильно. Всё стояло на своих местах. Живи и радуйся. Только вот радоваться здесь было нечему.

– Ненавижу этот дом, – выдохнула она, не оборачиваясь. – И тебя, кстати, тоже...

Итан закрыл дверь и прислонился к косяку, скрестив руки на груди. Он не обиделся – он вообще редко позволял себе подобные чувства.

– Это просто стены, Рейв. Мебель. Ничего личного.

– Вот именно! – она резко повернулась к нему. – Ничего личного! Ты и сам как часть этого интерьера. У тебя эмоций, как у этого пучка для ног!

Она качнулась вперед, и её голос снова начал набирать высоту, срываясь на надрыв.

– Ты вообще в курсе, что ты никогда не был членом нашей семьи? Знаешь, что мама говорила? «Дядя Итан очень занят, он важный человек». Она тебя оправдывала! А я помню, как ты смотрел на свои часы, когда мы еще не доели торт!

Итан молчал. Каждое её слово било наотмашь, но он не перебивал. Он знал: у неё есть право на эту боль. Даже если она была искажена алкоголем. Даже если она была не совсем правдой.

Вдруг Рейвен осеклась. Лицо её резко побледнело, став почти прозрачным. Она прижала ладонь ко рту и, не говоря ни слова, спотыкаясь, рванула вверх по лестнице. Шаги грохотали, она не сбавила темп, хотя едва держалась на ногах.

– Рейвен! – крикнул Итан, но было поздно.

Она ворвалась в комнату, которую он выделил ей с первого дня их вынужденного сожительства. Дверь с грохотом врезалась в стену. А затем послышался звук льющейся воды, а следом – сдавленный, мучительный кашель и рвота.

Итан поднялся следом. Он остановился в коридоре, не доходя до двери. Слышать, как её выворачивает наизнанку, было физически тяжело. Никакой красивой драмы – только сырое, грязное страдание, которое выжимало из неё последние силы.

Он провел рукой по лицу, чувствуя, как бешено колотится сердце. Как успокоить девушку, которую тошнит от горя и алкоголя? Как обнять – она же оттолкнет? Как сказать что-то – каждое слово сейчас покажется фальшивым и пустым.

Он никогда не был отцом. У него не было своих детей. Все эти пьянки, истерики, подростковые срывы – для него это был темный, пугающий лес. И теперь, стоя в коридоре собственного дома, он чувствовал себя абсолютно беспомощным, слушая, как племянница задыхается от собственной боли.

Из ванной донесся звук сливаемой воды. Затем шум крана, и воцарилась тишина.

– Рейвен? – позвал он негромко.

Никакого ответа.

Он сделал шаг вперед, замер у двери, хотел постучать, но рука так и не поднялась. Он просто стоял, прислонившись лбом к холодному косяку, и ждал.

Снаружи было тихо. Внутри – тоже. Только где-то в глубине дома тикали старые напольные часы, отсчитывая секунды их общего одиночества.

Глава 4

Солнце пробивалось сквозь плотные шторы – раздражающе яркое, даже через слои ткани. Рейвен лежала неподвижно, не в силах пошевелиться. Голова гудела так, словно внутри поселился отбойный молоток, язык стал сухим и шершавым, а во рту стоял противный металлический привкус. Каждое мимолетное движение – попытка повернуть голову или нащупать телефон на тумбочке – отдавалось острой, режущей болью в висках.

Она села, сжимая ладонями лицо. Вчерашний вечер всплывал в памяти рваными, болезненными обрывками: громкая музыка, чей-то смех, соленые закуски, потом еще рюмка... или две? А дальше – Итан.

И вместе с воспоминаниями пришел острый, липкий стыд, который накатывал волнами, стоило только вспомнить, как она кричала на него. Как била словами, пытаясь задеть за живое.

Стараясь не делать резких движений, она спустила ноги с кровати и, пошатываясь, побрела в ванную. Из зеркала на нее смотрело незнакомое существо: бледное лицо с глубокими темными кругами под глазами, испуганный взгляд и сальные, спутавшиеся волосы. Рейвен скривилась. Она плеснула в лицо ледяной водой, кое-как причесалась пальцами и, натянув первую попавшуюся футболку поверх майки, вышла из комнаты.

На лестнице пахло свежей выпечкой и крепким кофе. Желудок тут же скрутило – то ли от голода, то ли от подступающей тошноты. Она спускалась, цепляясь за перила, чувствуя, как каждый шаг отзывается тяжелой пульсацией в затылке.

На кухне было солнечно и неестественно уютно. Миссис Роуз стояла у плиты, переворачивая золотистые оладьи. При виде Рейвен её круглое, румяное лицо расплылось в мягкой, понимающей улыбке. Она вытерла руки о фартук и тут же засуетилась:

– Ох, милая, как ты себя чувствуешь? Садись, садись скорее. Я сейчас дам тебе таблетку от головы, у меня есть хорошие. И оладьи сегодня с клубничным джемом.

Миссис Роуз уже протягивала ей блистер с лекарством и стакан воды. Рейвен взяла таблетку и послушно проглотила её, но при виде тарелки с оладьями, щедро залитыми ярким джемом, брезгливо поморщилась. Желудок тут же отозвался резким спазмом.

– Миссис Роуз, спасибо, правда, но я... – она запнулась, стараясь говорить мягко, чтобы не обидеть добрую женщину. – Я только кофе. Если можно. Ледяной и без молока, пожалуйста.

– Ох, конечно, конечно! – Миссис Роуз всплеснула руками и тут же направилась к кофемашине. – Присядь пока, лицо у тебя совсем зеленое.

Рейвен опустилась на стул у барной стойки, обхватив голову руками. Пахло оладьями, ванилью, чистотой – и от этого сладкого, обволакивающего аромата её подташнивало еще сильнее. Она молча наблюдала, как миссис Роуз ловко наполняет высокий стакан льдом и наливает в него темный кофе.

– Итан уже встал? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– О, он давно встал, – ответила миссис Роуз, протягивая ей напиток через стойку.

Взяв холодный стакан обеими руками, Рейвен сделала жадный глоток. Лед обжег горло, а кофеин начал медленно разгонять туман в голове. Полегчало. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы она смогла выпрямиться и оглядеться.

В этот момент со стороны холла послышались шаги. Рейвен подняла голову и увидела Итана, спускающегося по лестнице. На нем была белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, открывающая загорелые предплечья. Левую руку оттягивали тяжелые часы – дорогие, с металлическим браслетом, заметные издали. Темные брюки подчеркивали спортивную фигуру, но при этом смотрелись по-домашнему. Волосы, еще влажные после душа, были уложены небрежно, но с безупречным вкусом.

Рейвен поймала себя на том, что задержала взгляд на секунду дольше, чем следовало. Широкие плечи, уверенная осанка, легкая щетина, добавляющая ему резкости. «Выглядит он, конечно, очень даже ничего», – мелькнула предательская мысль, но она тут же сменилась привычным раздражением.

Она хмыкнула и резко отвернулась, делая вид, что крайне заинтересована узором на стакане.

– Доброе утро, – сказал Итан, подходя к стойке. Его голос был ровным, без малейшего намека на вчерашнюю бурю. – Выспалась?

– Ага, – буркнула она, не поднимая глаз. – Прямо чувствую себя перерожденной. Спасибо, что спросил.

– Рад слышать. А то я уж думал, что мне придется вызывать экзорциста, чтобы изгнать духа утреннего похмелья из твоего организма.

– Не утруждайся.

– Я уезжаю, – продолжил он, доставая из кармана ключи. – Буду поздно. Не жди.

Рейвен резко вскинула голову и посмотрела на него с насмешливым прищуром.

– Я и не собиралась, – бросила она с вызовом.

– И очень прошу: давай сегодня без синего перформанса?

– Ну спасибо, что напомнил, – сухо отозвалась она.

– Пожалуйста.

Рейвен демонстративно сделала большой глоток, всем видом показывая, что разговор окончен. Итан замер на мгновение. Он посмотрел на неё – долгим, тяжелым взглядом, от которого хотелось либо спрятаться, либо в нем раствориться. Но она не отвела глаз, глядя в ответ дерзко, хотя внутри всё сжималось от невыносимого напряжения. Он больше ничего не сказал. Просто развернулся и направился к выходу.

Рейвен слышала, как открылась и закрылась входная дверь, как щелкнул замок. Потом – звук шагов по брусчатке, шум открывающейся машины, глухой хлопок двери. Завелся двигатель. Автомобиль мягко отъехал от дома, и звук постепенно затих, растворившись в утренней тишине элитного района.

Она сидела неподвижно, глядя в окно на пустую подъездную дорожку. Холодный кофе обжигал ладони. В голове набатом била одна мысль: «Все равно ничего не поменяется». И почему-то от этой мысли стало невыносимо горько.

Миссис Роуз деликатно кашлянула:

– Я всё же оставляю тебе пару оладий, милая. Вдруг нагуляешь аппетит.

Рейвен кивнула, не оборачиваясь. На душе было мутно, пусто и бесконечно одиноко.

Так прошло несколько дней. Напряжение в доме, казалось, стусилось до физически ощутимого состояния – его можно было резать ножом. Итан возвращался поздно или не возвращался вовсе, ночуя где-то в городе. Рейвен проводила дни, запершись в своей комнате или бесцельно бродя по дому, словно призрак. Она почти не выходила на кухню, ссылаясь на головную боль и отсутствие аппетита. Но сегодня миссис Роуз была непреклонна:

– Ты должна поесть, милая. Ты совсем осунулась. Хотя бы немного супа.

И Рейвен, не желая обижать женщину, спустилась в столовую. Ужин проходил в тягостном, удушающем молчании. Итан сидел во главе стола, рассеянно накручивая пасту на вилку. Рейвен ковырялась в тарелке, с отвращением глотая еду через силу. Пахло томатным соусом и базиликом – и этот запах, обычно такой аппетитный, вдруг показался ей невыносимым. К горлу подкатила тошнота.

Она резко отодвинула стул – ножки противно скрипнули по паркету. Итан не успел даже спросить, что случилось, как она уже вылетела из-за стола, прижимая ладонь ко рту. Звук быстрых шагов по коридору и грохот захлопнувшейся двери туалета гулким эхом разнеслись по первому этажу.

Миссис Роуз виновато посмотрела на Итана. Она лишь пожала плечами, всем своим видом говоря: «Я не знаю, что с ней происходит, и понятия не имею, что делать». Затем, понизив голос, она тихо сказала:

– Мистер Блэквуд, она и так практически ничего не ест. Только кофе пьет литрами. Ходит вся бледная, как тень. Я очень волнуюсь.

Итан замер. Сначала он посмотрел на тарелку Рейвен, к которой она почти не прикоснулась, затем перевел тяжелый взгляд на дверь туалета. Его челюсть напряглась. Он оперся локтями о стол и низко опустил голову, с силой потирая переносицу – жест, выдававший глубокую, изматывающую тревогу.

В голове вихрем проносились мысли. «Почти не ест. Бледная. Постоянная тошнота. Анемия? Или...» – он с силой сжал переносицу, отгоняя самое страшное, но оно уже закралось в сознание, вьелось под кожу. «Нервная анорексия? Булимия? Она так переживает смерть родителей... замкнулась в себе. Пьет до беспамятства. А может, что-то хуже? Наркотики?»

От последней мысли по спине пробежал холод. Он видел достаточно случаев, когда подростки, потеряв близких, срывались в пропасть. Но Рейвен... неужели она способна на это?

Глава 5

Итан резко встал из-за стола. Миссис Роуз вздрогнула, но промолчала. Твердым, решительным шагом он направился к туалету. Постучал. Тишина. Он открыл дверь – помещение было пусто. Унитаз уже смыт, воздух казался влажным и тяжелым. Рейвен и след простыл.

Не раздумывая, он развернулся и поднялся наверх, к её комнате. Дверь была не заперта. Он толкнул её и вошел, не дожидаясь приглашения.

Рейвен стояла у окна спиной к нему, обхватив себя руками за плечи, словно пытаясь удержать рассыпающееся тело.

– Что происходит? – спросил он ровным, но требовательным голосом.

Она медленно обернулась. Под глазами залегли глубокие тени, кожа казалась почти прозрачной, но взгляд оставался прежним – колющим и вызывающим.

– А тебе какое дело? – огрызнулась она. – Какого черта ты вообще ко мне врываешься?

– Я задал вопрос, Рейв. Что с тобой? Ты почти ничего не ешь, тебя тошнит. Ты бледная, как привидение, и выглядишь так, словно твой скелет пытается прорваться сквозь кожу.

– Ой, только не начинай лекцию о здоровом образе жизни, – процедила она, демонстративно отворачиваясь обратно к окну. – Со мной всё в порядке. Просто устала.

– Врешь. Посмотри на меня.

Рейвен не шелохнулась. Итан подошел ближе, сокращая расстояние между ними до минимума. Его голос оставался пугающе спокойным.

– Ты ведешь себя как трудный подросток, который пытается уничтожить себя самыми разными способами! – голос Итана стал жестче. – За последние две недели я десять раз забирал тебя из злчных мест в отвратительном состоянии! Это не нормально!

– К то тебя об этом просил?! – выкрикнула она.

– Я не знаю, что именно ты принимаешь, но это нужно прекращать. Немедленно.

Рейвен резко развернулась, и её лицо исказилось от ярости.

– А чего ты хотел?! – её голос сорвался на истеричный крик. – Когда ты решил взять опеку над «трудным подростком»? – она буквально вложила в эти слова яд. – Думал, я буду послушной куклой, которую можно посадить за стол и заставить улыбаться? Какой вообще в этом смысл? Думал, что я просто забуду, что моя мать... что твоя сестра... умерла?! Что отца хоронили в закрытом гробу! Зачем ты это сделал? Чтобы чувствовать себя героем?!

Она кричала, захлебываясь собственной болью, а Итан стоял неподвижно. Его лицо окаменело, превратившись в непроницаемую маску. Он не перебивал, а ждал, когда её истерика выдохнется.

Но вдруг Рейвен покачнулась. Лицо стало мертвенно-бледным. В попытке удержать равновесие она вцепилась в подоконник, чувствуя, как головокружение накатывает тяжелой, липкой волной, а тело пробивает внезапный жар.

– Черт... – выдохнула она. Не глядя на него, она, пошатываясь, поплелась к кровати, судорожно опираясь о стены.

Итан заметил, как её повело, как дрожали пальцы, но ничего не сказал. Он просто развернулся и быстрым шагом вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Через минуту внизу взревел двигатель его машины, и звук быстро затих.

«Неужели свалил? Вот и катись ко всем чертям!»

Рейвен рухнула на кровать лицом в подушку. Сжалась в комочек, приняв позу эмбриона, и накрыла голову руками. Тело пробивала мелкая, непрекращающаяся дрожь. Физически было невыносимо: желудок скручивало спазмами, голова раскалывалась, а слабость разлилась по конечностям, словно тяжелый свинец. Но морально было в сто раз хуже. Она уткнулась лицом

в подушку, пытаясь заглушить звуки собственных всхлипов, которые рвались наружу против её воли.

– Я не справляюсь... – шептала она, и голос ее прерывался судорожными вздохами. – Я не могу... Зачем вы так со мной? Почему вы ушли?..

Одиночество душило, впивалось в горло ледяными пальцами. Она чувствовала себя крошечной, потерянной и абсолютно беспомощной в огромном доме, в чужой, стерильной жизни. Безысходность накрывала с головой. Она просто лежала, пытаясь не разбиться вдребезги.

Прошло около двадцати минут. Или больше – время потеряло смысл. Вдруг послышался звук подъезжающей машины. Хлопок двери. Рейвен замерла. Затем послышались быстрые шаги по лестнице – Итан поднимался, перепрыгивая через ступеньки.

«Приперся? Так быстро?»

Он постучал в дверь.

– Рейв, – его голос был требовательным, но в нем не было злобы.

Она не ответила. Он постучал снова, выждал пару секунд, а затем толкнул дверь – та не была заперта. Итан вошел. В комнате горел лишь тусклый свет ночника, отбрасывающий на стены длинные, изломанные тени. Рейвен лежала на кровати спиной к нему, всё так же забившись в свой защитный кокон.

– Не комната, а проходной двор, – пробормотала она в подушку голосом, полным горькой, надломленной иронии. – Дом такой огромный, а ты всё равно прешь именно ко мне. Как преданная собачонка.

Итан проигнорировал колкость. Он подошел ближе и остановился у изножья кровати.

– Вставай.

Рейвен медленно обернулась, глядя на него через плечо. Веки покраснели от слез, но в глазах все еще тлели искры былой дерзости.

– А больше тебе ничего не надо? – спросила она, пытаясь вернуть себе контроль. – Может, еще станцевать? Или предоставить отчет о том, что я ела на завтрак?

Итан оставался непоколебим. Внешне – терпеливый, взрослый, спокойный. Он не поддавался на её провокации, не сорвался на ответный крик. В руках он сжимал две небольшие коробки.

Он бросил одну из коробок на кровать – она приземлилась рядом с ее рукой. Рейвен мельком глянула на неё и чуть не поперхнулась возмущением, застрявшим в горле. Она резко села, пошатнувшись от коробки, словно от ядовитой змеи.

– Ты совсем сдурел?! – рявкнула она. В её голосе смешались шок, гнев и настоящий, первобытный ужас.

На ярко-розовой упаковке жирным шрифтом красовалось: «тест на беременность».

– Делай, – жестко сказал Итан. Его голос резал, как лезвие. – Сейчас же.

– Иди к черту, Итан! – закричала она, судорожно комкая в руках простыню. – Ты не имеешь права!

– Я твой опекун, – отчеканил он. – И ты несовершеннолетняя. Так что я несу за тебя ответственность. Тебе еще слишком рано вести половую жизнь, Рейвен. Тебе всего семнадцать.

– Да кто тебе сказал, что я вообще!.. – она запнулась на полуслове, осознав, насколько двусмысленно это звучит. – Ты совсем охренел?! – взвизгнула она, вскакивая с кровати. – С чего ты взял, что я с кем-то сплю?! Это просто... желудок! Это просто мой желудок!

– Тогда докажи, – он шагнул к ней, сокращая расстояние до минимума, нависая тяжелой тенью. – Сделай тест. Прямо сейчас. Если он окажется отрицательным – я извинюсь. Если нет... – он сделал паузу, и его голос стал тише, но от этого не менее пугающим. – Мы будем решать, что делать дальше. Вместе.

– Не нужно мне твоего «вместе»! Это полный бред! – выкрикнула она. – Ты мне никто! Ты просто чужой мужик, который влез в мою жизнь!

– Я тот, кто будет отвечать за твои ошибки, пока тебе не исполнится восемнадцать, – парировал он, не повышая голоса. – Поэтому иди и делай.

Рейвен смотрела на него с неприкрытой ненавистью. Её грудь тяжело вздымалась, пальцы были сжаты в кулаки. Несколько секунд они просто сверлили друг друга взглядами, и в этой тишине, казалось, искрило электричество. Затем она резко схватила первую коробку с кровати и швырнула в него с такой силой, что та ударилась ему в грудь и отлетела в сторону.

– Пошел ты! – крикнула она и, схватив вторую коробку, принялась рвать упаковку дрожащими руками.

Она смотрела на него с вызовом, сжимая в руках инструкцию и сам тест. Итан стоял, скрестив руки на груди. Он не собирался уходить.

– Иди, – повторил он. – Я подожду здесь.

– Да неужели?! А может, ты воочию хочешь убедиться, что я правда его сделаю? Что, не стесняйся, пошли со мной, извращенец чертов!

Она сжала зубы до скрежета, развернулась и, с грохотом захлопнув дверь ванной, скрылась внутри.

Глава 6

Время в пустой комнате тянулось невыносимо медленно. Итан стоял у окна, глядя в темный сад, но видел лишь собственное напряженное отражение в стекле. Каждая секунда, пока Рейвен была за дверью ванной, длилась вечность. Он сжимал переносицу, запускал пальцы в волосы, проводил ладонью по лицу – жесты, выдававшие его изнуряющую внутреннюю борьбу. В голове вихрем проносились мысли, одна страшнее другой.

Что он будет делать, если тест окажется положительным? Как скажет ей? Как будет решать эту ситуацию? Звонить родителям парня, которого он даже не знает? Узнавать, кто он? Тащить её к врачу? Уговаривать, давить, заставлять?

Он был готов ко многому: к её бунту, к прогулам, к плохим оценкам, к её ядовитой дерзости или тихой, беспросветной печали. Но не к этому. Не к чему-то настолько взрослому, окончательному и пугающему. Он чувствовал себя абсолютно беспомощным, и это бессилие раздражало больше всего.

Итан почти молился. Не то чтобы он был религиозен – скорее это было инстинктивное, животное желание: пусть пронесет.

«Пожалуйста, пусть это будет просто банальное отравление, гастрит, гормоны, стресс, что угодно. Только не это».

Он даже не знал, кому адресовал эту молитву: матери Рейвен или самой Вселенной. Но мысль была отчаянной и искренней.

Когда дверь ванной резко распахнулась, Итан вздрогнул. Он медленно обернулся.

Рейвен стояла на пороге, сжимая в руке белую пластиковую полоску. Глаза горели яростным, лихорадочным огнем. Щеки покраснелись, дыхание было рваным. Она выглядела так, будто была готова разорвать его голыми руками. Швырнула в него тест – Итан рефлекторно поймал его на лету, даже не глядя на полоску. В первую секунду он просто смотрел на нее, внутренне готовясь к самому худшему.

– Я жду извинений! – рявкнула она, испепеляя его взглядом.

Он посмотрел на тест. Одна полоска. Одна. Четкая, жирная, красная.

В горле мгновенно пересохло. Из груди вырвался такой глубокий, почти болезненный выдох облегчения, что он сам не заметил, как плечи чуть опустились. На секунду он позволил себе закрыть глаза, ощущая, как дрожь отступает. Положив тест на комод, он произнес:

– Хорошо. Я был неправ.

Это прозвучало настолько сухо и формально, что Рейвен взбесилась еще больше. Она подскочила к нему, сократив расстояние до опасного, почти интимного.

– «Хорошо»?! – взвизгнула она. – И это всё?! Ты врываешься в мою комнату, швыряешь в меня тест на беременность, как будто я какая-то шлюха из дешевого сериала, заставляешь меня унижаться, а потом просто говоришь «хорошо»?!

Ее голос дрожал от ярости, срываясь на хрип.

– Ты думаешь, что можешь просто так влезать в мою жизнь, решать за меня, что мне делать, унижать меня и... и... – она запнулась, тяжело, рвано дыша.

Итан молчал. Он стоял, опустив руки, и просто ждал, пока ее гнев выплеснется. Его лицо оставалось непроницаемым – та самая маска, которую он носил годами, защищая себя от мира.

– А что дальше? – ее голос стал тише, но в нем зазвенел злой, ядовитый сарказм. – Что у нас по плану, «папочка»? Следующий шаг – потащишь меня сдавать мочу и кровь на наркотики? Будешь рыться в моих вещах, проверять телефон? Запрешь меня в комнате, как в тюрьме?

Она смотрела на него в упор, вызывая на бой, ожидая, что он наконец сорвется. Но Итан не шелохнулся. Он даже не отвел взгляда. Это молчание было красноречивее любых слов, и оно ударило её под дых сильнее оскорбления.

– О, Господи, – выдохнула она, отступая на шаг. В глазах блеснула горькая, надломленная усмешка. – Ты... ты серьезно, да? Ты именно это и планировал. Ты реально собрался тащить меня на анализы?

Она расхохоталась – нервно, истерично, почти переходя на плач.

– Ты гребаный тиран! Думаешь, что я наркоманка? Что я ширяюсь по углам? А может, я еще и проституткой подрабатываю по ночам, пока ты спишь?! Что, в твоей голове уже есть готовый сценарий моей жизни? Ты уже решил, какая я?

Итан молчал. Он смотрел на нее с тем же непроницаемым выражением лица. Он не оправдывался, не объяснял, не кричал в ответ. И это бесило Рейвен до скрежета зубов. Она видела в его взгляде не злость или раздражение, а какую-то ледяную, механическую терпеливость. Как будто он был роботом, запрограммированным на выполнение функции «опекун», лишенным малейшего намека на чувства, был функцией – солдафоном. Бесчувственным чурбаном, который не способен понять, что она чувствует.

– Ты... – она задохнулась от ярости, ткнув в него дрожащим пальцем. – Ты вообще что-нибудь чувствуешь?! Или у тебя вместо души дыра?! Ты просто машина! Пришел, проверил, убедился, что я не беременна, теперь пойдешь по следующему пункту списка? А знаешь что?! Может, я и правда колюсь! Может, мне легче нанюхаться, чем сидеть в этом чертовом доме и смотреть на твою каменную рожу каждый день!

Она выкрикивала эти слова, надеясь, что они прошьют его насквозь, причинят боль. Но нет, этого не произошло. Он не перебивал. Его спокойствие било сильнее любого крика.

– Да как ты смеешь?! – закричала она, чувствуя, как к горлу подступают слезы бессильной, опустошающей ярости. – Ты приходишь в мою жизнь, когда тебя никто не звал, строишь из себя спасителя, а сам... ты просто...

Она запнулась, лихорадочно подбирая слова, способные ранить его так же глубоко, как он ранил ее своим безразличием.

– Знаешь что? Вот поэтому у тебя нет семьи! Вот почему ты сидишь здесь один, в своем никому не нужном дворце! Потому что ты не способен любить! Ты умеешь только контролировать! Ты видел когда-нибудь живого человека рядом с собой?! Или все от тебя сбежали, потому что рядом с тобой невозможно дышать?!

Слова повисли в тяжелом воздухе, ударившись о стены. Рейвен тяжело дышала, глядя на него с вызовом. Она ждала хоть какой-то реакции – взрыва, удара, ответного крика – чего угодно, что доказало бы, что он живой. Итан смотрел на нее нечитаемым взглядом. Его плечи едва заметно напряглись, но он не проронил ни слова. А затем, не говоря ничего, просто развернулся и направился к двери.

Схватив с прикроватной тумбочки первую попавшуюся книгу, Рейвен швырнула ее ему вслед. Книга с глухим стуком ударилась в дверь. Итан остановился. Он сжал руки в кулаки, на лбу прорезались глубокие морщины.

– Не забудь помыть руки, опекун! – язвительно выплюнула Рейвен.

Итан не хотел оборачиваться. Терпение и так трещало по швам. Он сначала даже не понял, о чем именно она говорила, и опустил взгляд на свои руки.

«Я ее прибую. Просто прибую», – промелькнуло в голове. Сделав глубокий, контролируемый вдох, он вышел из комнаты.

Глава 7

На следующее утро в доме стояла неестественная, почти звенящая тишина. Завтрак остыл на столе, а Рейвен так и не спустилась. Миссис Роуз то и дело поглядывала на лестницу, тяжело вздыхала и машинально промокнула уголки глаз фартуком.

Итан сидел во главе стола, механически пережевывая тосты с индейкой, хотя совершенно не чувствовал вкуса.

– Мистер Блэквуд, может, не стоит сегодня ее тревожить? – осторожно начала Роуз, ставя перед ним чашку свежего кофе. – Девочке нужно время. Вчера было... тяжело.

Он отодвинул чашку, так и не притронувшись к ней.

– Время – слишком дорогой ресурс, чтобы тратить его впустую, – жестко ответил он, поднимаясь из-за стола. – Она и так слишком долго пребывает в деструктивном состоянии. Пора это заканчивать. Сегодня в два придет Аманда Миллиган, ее психолог. На всякий случай подготовь мой старый кабинет.

– Психолог? – миссис Роуз искренне растерялась, но тут же опомнилась: – Конечно, мистер Итан, я все сделаю.

Она покачала головой, глядя ему вслед. Миссис Роуз слишком хорошо знала этот тон – тон приказа, не терпящего возражений. Но в груди у нее ныло. «Он совсем не понимает молодого девичьего сердца, разбитого горем», – подумала она, возвращаясь к плите. – «Не все можно исправить четкими расписаниями и запретами».

В этот момент в кармане Итана зазвонил телефон. Он взглянул на экран, и его лицо мгновенно изменилось. Тень пробежала по резким чертам, а спина выпрямилась еще сильнее, если это вообще было возможно. Голос стал низким, сухим, почти металлическим.

– Да. Слушаю.

Пауза.

– Когда? – он бросил короткий взгляд на часы. – Хорошо. Я выезжаю. Буду через сорок минут.

Он убрал телефон и, уже не глядя на миссис Роуз, бросил через плечо:

– Присмотри за ней. Я вернусь к обеду. Если что-то случится – звони.

Миссис Роуз только кивнула, провожая его взглядом, полным беспокойства.

А наверху, в своей комнате, Рейвен стояла у окна, спрятавшись за тяжелой шторой. Она видела, как «дядюшка» вышел из дома, сел в черный внедорожник и, даже не взглянув на дом, вырулил на подъездную аллею. Ворота плавно закрылись за ним, и только тогда она почувствовала, что воздух в легких перестал быть свинцовым.

Дождавшись, пока машина скроется из виду, она на цыпочках спустилась по лестнице. На кухне хлопотала миссис Роуз. Увидев Рейвен, экономка всплеснула руками.

– Милая, ты все-таки встала! Садись, я сейчас разогрею тебе завтрак. Ты вчера совсем ничего не ела.

Рейвен устало опустилась на стул и обхватила голову руками.

– Роуз, я не голодна, – глухо произнесла она.

– Ну хоть чаю выпей, – экономка уже ставила перед ней чашку. – И знаешь, я хочу тебе кое-что сказать.

Рейвен подняла на нее равнодушный, пустой взгляд.

– По поводу вчерашнего... Мистер Блэквуд был неправ, – мягко произнесла Роуз, присаживаясь напротив. – Он погорячился. И то, как он с тобой обошелся... это несправедливо. Мужчины иногда бывают грубы, даже не понимая этого.

Рейвен горько усмехнулась.

– «Погорячился»? – переспросила она, и в голосе зазвенели стальные нотки. – Он швырнул в меня тест на беременность, Роуз. Как какой-то девке легкого поведения. Как будто я... – она осеклась, не в силах закончить. – Я меньше всего ожидала, что он способен на такое.

Миссис Роуз вздохнула, осторожно погладив её по руке.

– Он боится за тебя, дитя. По-своему. Криво, глупо, но...

– Хватит, Роуз, – отрезала Рейвен, резко отдергивая руку. – Не надо его защищать. Мне просто... мне просто нужно, чтобы хоть кто-то в этом доме был на моей стороне.

Экономка молча кивнула и пододвинула к ней тарелку с тостом, намазанным маслом.

– Съешь хоть кусочек, прошу тебя.

Рейвен посмотрела на тост как на врага. Но потом, будто через силу, взяла его и откусила крошечный край. Медленно прожевала – и тут же почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. Она отложила тост и, сцепив пальцы, уткнулась в них лицом.

– Что с тобой? – встревоженно спросила миссис Роуз. – Тебя так тошнило вчера... Да и не ешь ты совсем.

– И ты туда же, Роуз? – с горечью пробормотала Рейвен. – Думаешь, я беременна?

– Нет-нет, что ты! – всполошилась старушка. – Я просто... волнуюсь. Ты так похудела и осунулась...

Рейвен вздохнула и бессильно откинулась на спинку стула.

– Это просто стресс, Роуз, – тихо призналась она. – Когда мне плохо, я... я замираю. Вообще не чувствую голода. Я не могу есть, пока меня не вырубит. Пока не начну падать в обмороки. А потом... потом всё проходит, – она горько усмехнулась. – Кто-то заедает стресс, а я не могу и крошки проглотить. Всё стоит поперек горла.

Миссис Роуз посмотрела на неё с такой неприкрытой жалостью, что Рейвен пришлось отвернуться.

– Ты так похожа на свою мать, – еле слышно прошептала экономка.

– Вы хорошо ее знали? – Рейвен вздрогнула, но постаралась, чтобы голос не дрогнул.

– Да, Лора была прекрасной женщиной, – в голосе Роуз проскользнула глубокая печаль. Рейвен промолчала.

– И кстати, сегодня в два часа придет твой психолог, кажется, Аманда, – добавила Роуз, нахмурившись, пытаясь вспомнить фамилию.

– ...Чего? – Рейвен поперхнулась слюной, не веря своим ушам. – Кто придет?

– Психолог.

Лицо Рейвен исказилось злой гримасой. Губы сжались в тонкую линию, а глаза хищно прищурились.

– Мозгоправ? – процедила она сквозь зубы. – Seriously?

– Я думала, ты знаешь, – растерялась Роуз, чувствуя, как Итан буквально бросил её на амбразуру.

Рейвен рассмеялась. Это не был смех веселья – это был нервный, рваный звук, от которого во рту оставался привкус горечи.

Ровно в два часа у дома остановился черный седан. Из него вышла женщина лет сорока в безупречном классическом брючном костюме молочного цвета. Рейвен не видела, кто встретил её на пороге, но она чувствовала присутствие чужака в своем пространстве. Она сидела на подоконнике, обхватив колени, и мысленно отсчитывала секунды до момента, когда в дверь постучат.

«Конечно! Зачем спрашивать моё мнение? Молодец, Итан! Решил, что мозгоправ починит меня, как сломанную игрушку? А чего сразу в психушку меня не упек?!» – ярость внутри неё пульсировала в такт сердцебиению.

И – бинго. В дверь постучали. Три громких, размеренных, пугающе спокойных удара. Рейвен проигнорировала их, затаив дыхание.

– Я могу войти, Рейвен? – голос за дверью был ровным, мягким, лишенным всякого давления.

– Вы бы еще вошли без спроса, – огрызнулась она.

Дверь открылась. Психолог – женщина с короткой стрижкой и невероятно внимательным, пронизывающим взглядом – вошла в комнату.

«Твою ж мать, она и правда зашла без спроса!», – Рейвен вжалась в подоконник, словно пытаясь слиться со стеной. Руки скрещены на груди, плечи подтянуты к ушам – она превратилась в комок натянутых нервов.

– Меня зовут Аманда, я твой...

– Я в курсе кто вы, – перебила Рейв, смерив ее оценивающим взглядом.

– Рейвен, спасибо, что согласилась принять меня, – Аманда сделала шаг вперед, сохраняя профессиональную дистанцию.

– Издеваетесь? – Рейвен вперила в неё взгляд, полный ненависти. – Вы заперлись в мою комнату без приглашения.

– Я знаю, что это было не твоё решение, – спокойно продолжила Аманда. – Но я здесь, чтобы помочь тебе, если ты позволишь.

– Вы меня вообще слышите?

– Конечно.

– Разве я просила о помощи? – голос Рейвен прозвучал жестко, почти металлически. Она всем корпусом отвернулась к окну, закрываясь от женщины. – Итан заплатил, вы получите свои деньги. Можете считать сессию завершённой.

Аманда чуть заметно улыбнулась уголками губ. Затем она развернула стул от комода к окну и села так, чтобы оказаться напротив Рейвен.

– Итан беспокоится о тебе. Это нормально – хотеть защитить близкого человека после... потери.

Последнее слово повисло в воздухе, тяжелое и осязаемое. Рейвен резко перевела на нее взгляд – злой, колючий, как у раненого зверя.

– Вы не знаете, что было. И не смейте делать вид, что понимаете!

Психолог не отшатнулась и не отвела глаз. Она лишь медленно, почти торжественно кивнула.

– Ты злишься. Имеешь на это полное право, – она сделала паузу, давая словам осесть. – Скажи, когда ты злишься – это помогает тебе не чувствовать что-то другое? Что-то, от чего хочется закрыться еще сильнее?

Рейвен дернулась, словно от пощечины. Пальцы до белизны впились в собственные плечи.

– Вы думаете, я какая-то истеричка, которая просто... плачет в подушку? Нет. Я в порядке. Я справляюсь. Просто оставьте меня в покое!

– Я не предлагаю тебе плакать, – спокойно отрезала Аманда. – Я предлагаю тебе злиться. Но делать это – со мной. Здесь безопасно. Если захочешь – можешь кричать. Можешь молчать. Можешь рассказать, что именно тебя сейчас бесит больше всего: то, что Итан решил за тебя, или то, что я задаю вопросы.

Рейвен замолчала. Но её взгляд впервые за всё время дрогнул – она перестала яростно избегать контакта глаз.

– Меня бесит, – процедила она сквозь стиснутые зубы, – что все думают, будто знают, как мне должно быть. Роуз, вы, да вообще все... «поплачь, станет легче», «время лечит». Ничего не лечит. И ничего не станет легче.

Аманда мягко наклонила голову, принимая этот выпад.

– Хорошо. Тогда давай не будем делать вид. Скажи мне, что сейчас – вот в эту секунду – ты чувствуешь в теле? Не в голове, не в воспоминаниях. В теле.

Рейвен нахмурилась. Такой вопрос сбил её с привычной колеи агрессии. Она замялась, невольно опуская взгляд на свои руки.

– ...Сжато. В груди тяжело. И в горле. Будто кто-то душит.

– Ты позволяешь себе это чувствовать или пытаешься подавить это чувство?

Рейвен снова подняла взгляд – теперь уже не злой, а растерянно-яростный.

– Я не знаю! – голос надломился на последнем слове. – Я просто хочу, чтобы это кончилось.

Психолог не шелохнулась, не потянулась к ней, не попыталась нарушить её границы – она просто давала пространство. Её поза оставалась открытой, принимающей, непоколебимой.

– Ничего не кончится само по себе, – тихо произнесла Аманда. – Но ты можешь научиться жить рядом с этим. Если захочешь. Я здесь. Никаких «должна», никаких «обязана поплакать». Только то, что ты готова взять.

Рейвен промолчала. Но её руки медленно опустились на колени, и скрещенные пальцы наконец разжались. Это был первый, почти незаметный, но колоссальный шаг.

Глава 8

Вечер опустился на поместье раньше обычного. Тяжелые тучи затянули небо, и в сумерках дом казался еще более мрачным и пустынным.

Миссис Роуз уже дважды подогревала ужин, то и дело поглядывая то на часы, то на входную дверь. Стрелка перевалила за десять, а Итан так и не появился. Ни звонка, ни сообщения. Только давящая тишина. Она накрыла тарелку пленкой и убрала в холодильник, когда на кухню спустилась Рейвен. Она была одета в свободный свитер и потертые джинсы, волосы небрежно собраны в пучок. Она выглядела бледной, но взгляд её был на удивление спокойным – тем ледяным спокойствием, которое наступает перед бурей.

– Не вернулся? – спросила она, кивнув в сторону пустого кабинета Итана.

Миссис Роуз покачала головой, вытирая руки о фартук.

– Нет, милая. Должно быть, остался в офисе на ночь. У него бывает такое, когда наваливаются дела.

Рейвен скрестила руки на груди, прислонившись плечом к дверному косяку.

– И часто он так пропадает? – спросила она ровным, бесстрастным голосом. – Без предупреждения?

Миссис Роуз замялась, теребя край фартука.

– Очень редко, – призналась она. – Но... мистер Блэквуд никогда не предупреждает о своих планах. Такой уж он человек. Считает, что никому не обязан отчитываться.

Рейвен криво усмехнулась.

– Надо же, – тихо, почти себе под нос, пробормотала она. А затем громче, для экономки: – Роуз, я ухожу. К подруге. Она заедет за мной через полчаса.

Миссис Роуз испуганно всплеснула руками.

– Мистер Блэквуд будет недоволен! Он велел мне присматривать за тобой! А если он вернется и не застанет тебя?

– Тогда он, возможно, впервые задумается, что у меня есть своя жизнь, – холодно ответила Рейвен, накидывая легкую кофту. – Мне почти восемнадцать, Роуз. Я не под домашним арестом. И уж точно не собираюсь сидеть взаперти, пока он разбирается со своими делами и решает, когда соизволит вспомнить о моем существовании.

Экономка открыла рот, чтобы возразить, но осеклась. Любые слова сейчас были бесполезны. Она здесь всего лишь персонал – она не имеет права запрещать, и уж тем более – запирасть.

– Будь осторожна, – только и смогла выдать она, и голос ее дрогнул. – Позвони мне, если что-то случится.

Рейвен на мгновение смягчилась и коснулась плеча экономки.

– Обещаю.

Ровно в половине одиннадцатого к воротам поместья подкатил старенький серебристый «Фольксваген Поло». Краска на капоте местами выцвела, бампер был аккуратно заклеен черной изолентой, но фары горели ярко и уверенно.

За рулем сидела Кейт – девушка с короткими розовыми волосами, огромными серьгами-кольцами и вечной, почти бесшабашной улыбкой. Она нетерпеливо посигналила, высушившись в окно.

– Рейв! Давай быстрее, пока дракона нет в башне!

Рейвен, дождавшись, пока автоматические ворота полностью раскроются, быстро выскользнула за калитку, даже не обернувшись на дом. Она запрыгнула на пассажирское сиде-

ные, захлопнула дверцу и откинулась на спинку, выдыхая с таким облегчением, будто только что выбралась из заточения.

– Погнали, – коротко бросила она.

– Отличный прикид, – пробежав взглядом по короткому платью Рейвен, она подмигнула.

Кейт нажала на газ, и старенький «Поло», чихнув, с ревом сорвался с места. Машина скрылась за поворотом, оставив позади лишь тишину и одинокий, тусклый фонарь у въезда.

Миссис Роуз стояла у окна в гостиной, провожая взглядом угасающие огоньки фар. Она перекрестилась и прошептала:

– Господи, сохрани и помилуй её... И прости нас всех за то, что мы творим.

Глава 9

Машина неслась по темной трассе. Ветер свистел в щелях старого «Фольксвагена», а из колонок хрипел панк-рок. Кейт крутила баранку одной рукой, другой поправляла зеркало заднего вида, поглядывая на Рейвен с хитрой ухмылкой.

– Ну, рассказывай, затворница. Как там твой дядя-режим? Всё еще проверяет сообщения и ставит прослушку на зубную щетку? – усмехнулась Кейт, подмигивая.

Рейвен закатила глаза и, входя в раж, театрально всплеснула руками:

– Кейт, ты даже не представляешь! Это же просто какая-то диктатура! Он, видимо, решил, что я обязана сидеть дома и ждать, пока он соизволит явиться. А сам пропадает хрен знает где, даже не звонит! Я ему кто? Домашнее животное? Заключение под домашним арестом?

– Ого, – присвистнула Кейт, прибавляя громкость на повороте. – Прямо «Побег из Шоушенка» в юбке. И что, он реально пытался тебя запереть?

– Нет, но ты представляешь... он кинул в меня тестом на беременность! – Рейвен жестикеровала так активно, что чуть не задела магнитолу. – Если бы ты только знала, какой униженной я себя чувствовала! От меня требуют отчета, а сам, между прочим, даже не соизволил сказать, куда уехал! Я не знаю, где он и когда вернется. И при этом он смеет читать мне нотации о безопасности!

Кейт цокнула, чуть не проскочив поворот, но ловко вывернула руль.

– Ну, «тиран» – это мягко сказано. – Контроль-фрик, параноик и, судя по твоим рассказам, еще и зануда редкостный, – хихикнула она. – Он хоть симпатичный?

– Ага, как мой старый носок, – рассмеялась Рейвен, но в голосе отчетливо проскользила неуверенность. – Но он ведет себя так, будто я его собственность. «Я за тебя отвечаю», «Ты должна слушаться», «Не выходи за ворота без моего разрешения»! А сам?! Сам уезжает, ничего не объясняя! Я уже взрослая, между прочим! Через полтора месяца восемнадцать!

– Вот именно! – поддержала Кейт, хлопнув ладонью по рулю. – Ты не ребенок, чтобы сидеть под замком. И вообще, этот его режим секретности – реально перебор. Кстати, – она хитро прищурилась, – а может, он правда что-то скрывает? Типа он шпион? Или у него там любовница, а он боится, что ты проболтаешься его жене?

– У него нет жены, – отмахнулась Рейвен. – По крайней мере, он никогда о ней не упоминал. Вообще он о себе ничего не рассказывает. Я знаю о нем меньше, чем о случайном прохожем.

– Еще один пункт в список «подозрительной личности», – хмыкнула Кейт. – Ладно, забей. Сегодня мы отдыхаем. Вилли обещал устроить настоящую вечеринку со своим диджейским сетом. Танцы, музыка, может, даже кто-то нормальный попадет. Нам пора развеяться.

Рейвен улыбнулась, чувствуя, как комок в горле наконец начинает таять.

– Спасибо, что вытащила. Я бы там с ума сошла. Если он, конечно, уже не вернулся и не устроил разнос Роуз.

– Пусть поищет! – ухмыльнулась Кейт, выкручивая громкость на полную. – У тебя есть своя жизнь. А этот его «режим ожидания» пусть сам себе установит. Мы едем тусить!

Машина нырнула в очередной поворот, и впереди засияли огни города. В салоне гремела музыка, подружки перекрикивали динамики, обсуждая планы на ночь, и Рейвен впервые за долгое время почувствовала себя свободной.

Хотя где-то на задворках сознания всё же теплилась тревожная мысль: что скажет Итан, когда вернется домой? Но гнать эту мысль прочь было слишком приятно.

Глава 10

Ночь плыла в огнях, басах и липких брызгах пролитого алкоголя. Музыка долбила в виски, пол ходил ходуном, и Рейвен смеялась, запрокидывая голову, чувствуя, как по венам разливается теплая, опасная свобода.

Кейт куда-то исчезла в толпе, но кто-то постоянно подносил новые стопки, чьи-то руки хлопали по плечам, чьи-то губы шептали что-то в ухо. Рейвен пила – за этот вечер, за побег, за тупое: «Плывать мне на твои правила, Итан». Она уже не считала бокалы. Потолок то опускался, то взлетал, музыка превратилась в сплошной низкочастотный гул, а пальцы, сжимающие пластиковый стаканчик, казалось, принадлежали не ей.

Где-то внутри еще теплилась искра, которая шептала: «Хватит». Но вслед за ней приходило другое – горькое, едкое желание забыться, выжечь из головы образ Итана, его осуждающий взгляд, его молчаливое превосходство. И она пила снова, пока язык не перестал слушаться, а мир вокруг не превратился в цветное месиво из огней и теней.

Потом был провал.

Вспышка – и она уже стоит, вцепившись в чью-то куртку. Еще одна – чьи-то ладони сжимают её бедра, она отталкивает, не видя лица. Кто-то целует её в шею, влажно и навязчиво. Она зовет Кейт, но голос тонет в басах. Очередной стаканчик оказывается в руке – она машинально глотает мутную жидкость, и желудок скручивает узлом. Острая боль прошивает живот, и на миг сознание проясняется настолько, что она успевает испугаться. А потом мир поглотила тьма...

Резь в горле, спазм. Её вывернуло наизнанку.

Рейвен пришла в себя от собственного рвотного позыва. Она стояла на коленях, обхватив руками ободок унитаза, и её снова и снова выворачивало – горько, кисло, почти до слез. Кто-то держал её за волосы. Она поморщилась, думая, что это Кейт, но пальцы, сжимающие пряди, были слишком грубыми, слишком тяжелыми.

– Кейт?.. – просипела она, но в ответ – лишь тяжелое молчание.

Внезапно чьи-то пальцы проникли ей в рот, надавили на корень языка, провоцируя очередной приступ. Она брыкалась, пыталась вырваться, но силы покинули её, и она снова согнулась над унитазом, извергая остатки выпитого.

Когда спазмы утихли, Рейвен подняла голову и огляделась. Знакомый кафель. Знакомая ванная. Она дома.

Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле. Обернувшись, она увидела Итана. Он смотрел на неё тяжелым, усталым взглядом. Его лицо было каменной маской, но за этой неподвижностью чувствовалась кипящая, сдерживаемая ярость. Высокий, широкоплечий в этом тесном, залитом холодным светом пространстве, он казался слишком большим.

Рейвен замерла. Стыд, ужас и тошнота накрыли её с новой силой. Он знает. Он всё знает. Он притащил её домой, стоял на коленях, пока её рвало, держа за волосы и засовывая пальцы в рот, чтобы она не захлебнулась собственной рвотой.

– Итан... – её голос сорвался, язык заплетался. – Я... Что...

Он молчал. Только смотрел. В этом взгляде читались разочарование, злость и какая-то глухая, бездонная усталость. Он не хотел говорить. Даже смотреть на неё не хотел, но был вынужден – потому что она его племянница. Потому что обещал. Потому что кто-то должен.

Рейвен попыталась встать, но ноги были ватными, мир качался, и она снова осела на пол. Итан подхватил её под мышки, почти донес до душевой кабины и, не церемонясь, подтолкнул внутрь. Щелчок – и на нее обрушилась тёплая вода.

Рейвен стояла, пошатываясь, в мокром платье, с которого ручьями стекала вода. Волосы прилипли к лицу, смешиваясь с разводами тонального крема, потекшей тушью и губной помадой. Итан отошёл на пару шагов. Скрестив руки на груди, он наблюдал. В его взгляде была лишь усталость и какой-то немой вопрос: «Как ты могла? И что мне теперь с тобой делать?»

Борясь с накаывающей дурнотой, Рейвен подставила ладони под струю, набрала воду и начала тереть лицо – небрежно, зло, превращая макияж в грязное месиво. Она вздрогнула – то ли от холода, то ли от нервов. Платье липло к телу, мокрое и противное. Она стянула его через голову, путаясь в рукавах, и осталась в одном белье, с которого тоже стекала вода. Итан, заметив её возню, резко отвернулся, давая ей глоток приватности.

Рейвен стояла под водой, растирая лицо ладонями, пытаясь смыть с себя саму эту ночь. Потом, почти теряя равновесие, она выключила кран.

– Почему я дома? – спросила она, глядя в пол. Голос был хриплым, слова давались с трудом. – Что случилось?

Итан медленно выдохнул. Не оборачиваясь, он снял с крючка полотенце и протянул его через плечо.

– Накинь, – сказал он коротко. Никаких объяснений.

Рейвен взяла полотенце, завернулась в него. Голова шла кругом.

– Я спать, – пробормотала она и, сделав шаг, поскользнулась на мокром полу, теряя равновесие.

Она успела ухватиться за шторку, дернула её, и та сорвалась вместе с карнизом, с грохотом рухнув на кафель. Итан обернулся и успел подхватить её под руку, не дав рухнуть лицом вперед.

– Твою мать, Рейвен, – выдохнул он сквозь зубы.

В его голосе не было крика. Только выжженная дотла усталость. Он подхватил её на руки – легко, словно пушинку. От её худобы и того, что она почти ничего не весила, ему стало тошно. Она и в лучшие дни была субтильной, а сейчас, пьяная, разбитая, с подтеками на лице, казалась почти неживой.

Итан отнес ее в спальню и положил на кровать. Рейвен свернулась калачиком, обхватив подушку. Он натянул на неё одеяло, заправил края, будто укладывал пятилетнего ребёнка. Выключил свет. Короткий взгляд на нее – темный силуэт, сжавшийся в комок.

Он вышел в коридор, закрыл за собой дверь и долго стоял, уперевшись ладонью в стену. В груди – тяжесть. Не злость. Не обида. А какое-то вязкое, липкое чувство: как он до этого докатился? Почему он вообще должен возиться с этой малолетней бунтаркой? И главное – что будет дальше?

Итан прошёл на кухню, налил виски, но не пил – просто смотрел на стакан, понимая, что сегодня он проиграл не меньше, чем она.

Глава 11

Кабинет Итана тонул в полумраке. Единственным источником света была настольная лампа с тяжелым зеленым абажуром – такая обычно стоит в закрытых мужских клубах, где пахнет кожей и дорогим табаком. Свет выхватывал из темноты полированную поверхность стола, стопку бумаг и почти нетронутый бокал виски.

За окнами стояла глухая ночь. Город спал под сырой пеленой, но здесь, в кабинете, время словно застыло. Итан сидел в глубоком кожаном кресле, медленно вращая бокал. Золотистая жидкость лениво плескалась о стенки, налегая на стекло тонкой пленкой. Он смотрел на игру света, но не видел ее. Взгляд был направлен внутрь – туда, куда он никого не посвящал.

Тишина давила. Обычно она была его союзником: в тишине он слышал правду, видел слабые места противников и просчитывал ходы на десять шагов вперед. Он поднес бокал к губам и сделал глоток. Обжигающе, крепко, почти безвкусно. Язык привык к горечи, душа – нет.

Итан поднялся. Кресло сухо скрипнуло, отпуская его. Он подошел к панорамному окну и уперся ладонью в холодное стекло. Стоило прикрыть веки, как перед внутренним взором вспыхнула картина: кладбище, серая морось и черное платье, которое было Рейвен слишком велико. Или это просто плечи так поникли, что ткань обвисла? Она стояла у края могилы, и казалось, что вот-вот рухнет внутрь, вслед за ними.

Он помнил ее ребенком: с острыми локтями и вечно испачканными ладонями. Она бегала за ним по дому, просила подкинуть ее вверх. Он подкидывал, она визжала от восторга, а его сестра смеялась из кухни, помешивая суп.

А теперь Итан видел ее горе и чувствовал его физически – как холодный камень, прижатый к груди. Его дар был его проклятием. Он был эмпатом, но не из тех, кто сочувственно улыбается. Он чувствовал чужую боль – каждую иглу, каждый осколок, – и обязан был хранить это в себе. Люди видели перед собой айсберг. Нерушимую стену. «Мужик-кремень» – шептались за спиной. И плевать, что под этой коркой лед трескался каждый раз, когда он запирает дверь кабинета. На похоронах он стоял под дубом лишь потому, что боялся подойти ближе. Боялся, что маска треснет на глазах у этих равнодушных соседей, пришедших поглазеть на наследство.

Итан с силой потер переносицу. Там, где начинала пульсировать тупая, засевшая гвоздем боль, он сдавил пальцами, пытаясь выдавить наваждение. Но образ Рейвен въелся в сетчатку.

Он открыл глаза. Ночь за окном была такой же черной, как его мысли. Тяжело вздохнув, он вернулся к столу и осушил бокал почти до дна.

Тремя часами ранее...

Итан вернулся домой с чугунной тяжестью в груди. Охрана встретила его у ворот – двое крепких парней в черном, которые обычно не поднимали глаз.

– Кто-нибудь покидал дом? – сухо спросил он. Под «кто-нибудь» он имел в виду только ее.

– Мистер Блэквуд, – начал один из них. От таких голосов обычно начинаются плохие новости. – Она уехала с подругой около одиннадцати вечера и еще не вернулась.

Итан взглянул на часы: почти три часа ночи. В голове щелкнуло – режим «работа» сменился режимом «тревога».

– Марка, номер машины? – спросил он ровно, не выдавая состояния.

– Синяя «Поло», – охранник назвал комбинацию цифр и букв.

Терпение Итана треснуло. Он миновал охрану, зашел в дом и, не снимая пальто, сделал один звонок человеку, который имел доступ к камерам города и базам данных. Такие люди не задают вопросов – они просто берут деньги.

– Машина «Фольксваген Поло», синяя, номер... – продиктовал он.

Секунды тянулись, как горячая смола. А потом он услышал ответ.

Голос на том конце провода был спокойным и деловым, почти скучающим – человек, видевший слишком много дерьма, не склонен удивляться. Но слова, которые он произнес, вонзились Итану под ребра острым, как скальпель, ужасом.

Он не помнил, как закончил разговор и как выскочил из дома. Помнил только ощущение: ледяной вал, поднявшийся из самой глубины существа и захлестнувший с головой. Страх. Настоящий, липкий, почти забытый. Итан не боялся никого и ничего: ни врагов с оружием, ни конкурентов, ни даже смерти. Но сейчас, впервые за долгие годы, он испытал тот животный ужас, который скручивает кишки и выбивает воздух из легких.

Теперь, стоя у окна и проживая этот разговор снова и снова, Итан чувствовал, как внутри закипает гнев – черный, горячий, невыносимый. Гнев на того, кто посмел сесть за руль в таком состоянии. Гнев на себя – за то, что не был рядом. Гнев на судьбу, которая уже отняла у него сестру и теперь, потирая руки, готовилась забрать и Рейвен. Он сделал еще один глоток. Виски обжег горло. Итан резко развернулся.

Пальцы до боли сжали бокал. Метр до стола, два шага... Нет, не до стола. Он замахнулся и, не глядя, с силой швырнул бокал в центр панорамного окна. Звук разбился на две части: сначала глухой удар, затем – пронзительный звон. Осколки веером разлетелись по подоконнику и полу. Остатки виски стеклянной паутиной поползли по трещинам.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом ветра. Он врывался в разбитое отверстие, тревожно шевелил бумаги на столе. Итан стоял перед окном, тяжело дыша, и смотрел на свое отражение в уцелевших осколках – раздробленное, искаженное, чужое.

«Мужик-кремень», – с горькой усмешкой пронеслось в голове.

Кремень. Ага, как бы не так...

Глава 12

Время уже давно перевалило за полдень, когда Рейвен наконец пришла в себя. Голова гудела тяжелым, ватным гулом, во рту было сухо и горько, а каждый мускул ныл так, будто по ней проехался грузовик. Она лежала, уткнувшись лицом в подушку, и не решалась пошевелиться. В комнате стоял затхлый запах вчерашнего вечера: прокисший алкоголь, дешевые духи и чужой пот, въевшийся в кожу.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. Воспоминания возвращались обрывками – мутными, размытыми, как старая пленка. Басы. Чьи-то руки. Чей-то смех. И темнота. А потом – резкая боль в горле, унитаз и тяжелый, осуждающий взгляд серых глаз.

– Боже... – прошептала она, закрывая лицо ладонями. Щеки горели от стыда.

Рейвен протянула руку к тумбочке и нащупала телефон. Экран резанул по глазам ослепительной яркостью. Сообщения от Кейт, отправленные ею вчера около часа ночи: «Где ты?», «Ты уехала?», «Где ты?», «Мы выезжаем!», – все прочитаны, но без ответа. Последнее сообщение, которое Рейвен отправила сама сегодня утром: «Кейт, что вчера было?» – тоже висело без ответа. Когда она успела это написать, понятия не имела.

Рейвен отбросила телефон и снова зарылась лицом в подушку. Снизу доносились случайные звуки: звон посуды, хлопанье дверцы шкафа, но шагов Итана не было слышно. Он не приходил. Не стучал. Не звал.

Она просидела в комнате до самого вечера. Переоделась в пижаму, свернулась калачиком на кровати и тупо смотрела в стену. Мысли метались: вот сейчас он войдет. Сядет напротив. Начнет говорить тем самым спокойным, ледяным тоном, от которого внутри все сжимается. Но дверь оставалась закрытой. Тишина давила сильнее любого крика.

Ближе к шести вечера в дверь негромко постучали. Рейвен вздрогнула и села на кровати, приготовившись к худшему. Но вместо Итана в комнату вошла миссис Роуз с вечно озабоченным лицом. В руках она держала поднос, от которого поднимался пар.

– Проснулась, милая? – голос экономки был мягким, но в нем сквозила тревога.

Она поставила поднос на тумбочку.

– Я принесла запеканку. И кофе, крепкий, со сливками. Ты, небось, голодная, как волк.

Рейвен покосилась на еду. Желудок сжался, но запах свежей запеканки был на удивление уютным, почти домашним.

– Спасибо, – прошептала она, беря чашку, чтобы согреть ладони. – Миссис Роуз... вы не знаете... где Итан?

Роуз тяжело вздохнула. Она присела на краешек стула и сложила руки на коленях.

– Он себя в кабинете. С утра заперся и не выходит. Даже обед просил не носить.

Рейвен опустила взгляд.

– Он... он злится?

– Ох... – Роуз покачала головой.

– Я вообще ничего не помню с прошлой ночи, – Рейвен почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

– Вы вчера снова поругались?

– Я... не знаю. Помню клуб. Музыку. А потом... меня вырвало. И он стоял рядом. А все, что было до этого – как в тумане. Я не знаю, что я делала. Не знаю, как оказалась дома. И Кейт не отвечает... наверное, ей еще хуже, чем мне.

Миссис Роуз оглянулась на дверь, словно проверяя, не подслушивает ли кто, а затем подалась вперед и заговорила почти шепотом:

– Вы вернулись очень поздно. Я уже собиралась спать, когда услышала шум в прихожей. Вышла – а он стоит с тобой на руках. Он был зол как черт. Я такого его еще не видела.

Рейвен слушала, затаив дыхание.

– А потом? Он что-нибудь говорил?

– Говорил, – Роуз понизила голос еще сильнее. – Но не мне. По телефону. Я слышала только обрывки. Про полицию... про то, что кто-то разбился в аварии. Про то, что он не знает, связана ты с этим или нет. Утром приезжал Томас, его адвокат.

Сердце Рейвен пропустило удар.

– Что? – она выпрямилась, чашка в руках дрогнула. – Какая авария? Кто разбился?

Миссис Роуз беспомощно развела руками.

– Не знаю, деточка. Он больше ничего не говорил. Только ходил по дому, как зверь в клетке, и бормотал что-то про звонки. А потом заперся в кабинете. И с тех пор я его не видела.

Рейвен поставила чашку на тумбочку. В голове пульсировала одна мысль: авария. Полиция. Кто-то разбился. Она судорожно пыталась выудить из памяти хоть что-то, что было до провала: лица, голоса, вспышки фар, – но память зияла черной дырой.

– Это... это не может быть правдой, – прошептала она. – Я ничего не помню. Я ничего не делала. Я просто напилась... Я бы не села за руль...

– Я тебе верю, – мягко сказала Роуз, накрыв ее руку своей. – Но мистер Итан... Он места себе не находит. Тебе стоит поговорить с ним. Просто подойти и спросить. Он злится, но он твой дядя. Он волнуется.

– А если это все-таки я? – голос Рейвен дрогнул. – Если я что-то сделала? Если я села за руль? Я не помню, миссис Роуз. Я вообще ничего не помню!

Роуз сжала ее пальцы:

– Не накручивай себя раньше времени. Сначала поешь, выпей кофе, приди в себя. А потом мы вместе пойдем к нему, если захочешь. Я буду рядом.

Но Рейвен уже не слушала. Она смотрела в одну точку на стене, и в голове, словно метроном, отсчитывало секунды одно-единственное слово: «авария».

Глава 13

Слова миссис Роуз еще гудели в ушах, когда Рейвен сбросила одеяло. Ноги коснулись холодного пола, голова на мгновение поплыла, но она не остановилась. Толкнула дверь спальни, вылетела в коридор и пронеслась мимо лестничной площадки. Сердце колотилось, дыхание сбилось, но она бежала, не чувствуя ничего, кроме липкого, парализующего ужаса.

Кабинет Итана находился в конце коридора на первом этаже. Тяжелая дубовая дверь обычно всегда была заперта, но сегодня, к ее удивлению, ручка поддавалась без сопротивления. Рейвен влетела внутрь без стука, с глухим хлопком захлопнув дверь за спиной.

Итан стоял у окна спиной к ней. Прижав телефон к уху, он говорил низким, глухим голосом, почти шипя:

– ...я сказал, что разберусь. Не надо никуда звонить. Просто держи рот на замке, пока я не...

Звук захлопнувшейся двери заставил его застыть. Он медленно обернулся. Взгляд серых глаз, холодный и острый, вонзился в нее.

– Я перезвоню, – резко бросил он в трубку, нажал отбой и сунул телефон в карман брюк.

На секунду в комнате повисла звенящая, мертвая тишина. Рейвен стояла на пороге – растрепанная, в растянутой пижаме, тяжело и прерывисто дыша. Итан смотрел на нее, не двигаясь. Его лицо было непроницаемым, как маска: ни гнева, ни жалости, ни тревоги. Только лед. Только пустота, за которой скрывалась глубинная, едва сдерживаемая тяжесть.

– Что произошло? – выпалила Рейвен. Голос дрожал, срывался, балансируя на грани истерики. – Что за авария? Почему ты говорил про полицию? Скажи мне!

Он молчал долгую, мучительную секунду. Затем отошел от окна и сделал шаг к ней, сложив руки на груди. В его спокойствии чувствовалась стальная пружина, готовая распрямиться в любой момент. Заметив разбитое стекло, Рейвен почувствовала, как желудок скрутило узлом от новой волны тревоги.

– Может, это ты мне расскажешь? – спросил он тихо. В этом голосе не было ни капли тепла. – Из первых уст. Или ты была настолько пьяна в хлам, что твой куриный мозг не помнит ни черта?

Рейвен вздрогнула, словно от пощечины. В горле пересохло, в глазах защемило от злых, бессильных слез.

– Я... я не помню, – выдавила она, стиснув кулаки так, что ногти впились в ладони. – Я помню только музыку, темноту и как меня вырвало. А потом ты. Я не знаю, что было между. Я не знаю, что я натворила. Но если я сделала что-то ужасное... если кто-то пострадал из-за меня... – Голос сорвался, она всхлипнула, но не отступила. – Скажи мне. Я должна знать.

Итан слушал, не перебивая. Его лицо оставалось каменным, но где-то в глубине глаз мелькнула тень – боль или усталость, Рейвен не смогла разобрать. Он прошел мимо нее к столу, медленно опустился в кресло и сцепил пальцы в замок.

– Ты хочешь знать, – повторил он. Голос звучал ровно, но в нем проскользнула странная, горькая усмешка. – А готова ли ты вынести груз ответственности?

– Да, – Рейвен шагнула вперед, едва не упав на колени перед его столом. Она вцепилась пальцами в край столешницы. – Я готова. Что бы там ни было...

Это была наглая ложь. Рейвен совершенно не была готова к той правде, которую мог вывалить на нее Итан. Но незнание пожирало ее изнутри гораздо сильнее.

Тишина затягивалась, становясь невыносимой. Итан открыл рот, словно собираясь заговорить, но помедлил, сжал челюсти и отвел взгляд куда-то в сторону. Затем медленно потянулся к ящику стола, достал папку и бросил ее на стол прямо перед Рейвен.

– Тогда смотри. Надеюсь, ты не ела.

Рейвен дрожащими руками открыла папку. Первое, что она увидела, – распечатка фотографии. Ночная трасса, разбитая машина, вдавленная в отбойник. Стекло, искореженный металл. И номерной знак – знакомый, но такой расплывчатый.

У нее перехватило дыхание. Она посмотрела на Итана, стараясь выдержать его тяжелый, выжидательный взгляд, и поняла: он специально не говорил ей ни слова. Он хотел, чтобы она увидела это сама. Чтобы поняла, насколько всё серьезно. Или, быть может, он просто боялся произнести это вслух.

Глава 14

– Что... Что это?

Ноги Рейвен подкосились в тот самый миг, когда изображение разбитой машины сложилось в ее сознании в нечто целое, ужасное, невыносимое. Она узнала номер. Она узнала наклейку на заднем стекле – маленького единорога, которого Кейт сама приклеила, смеясь: «Он будет приносить удачу». Тот самый единорог теперь был разорван, испачкан чем-то темным.

В груди что-то с треском разлетелось вдребезги. Рейвен отшатнулась от стола, будто обожглась, и рухнула в кресло у стены. Тело стало ватным, чужим. Голова разрывалась – не от мыслей, а от осколков. Острых, слепящих, режущих изнутри.

Она смотрела на фотографию, но видела не ее. Она видела другую картину, запретную, запертую в самых темных глубинах подсознания. Разбитую машину. Другую трассу. Другой, чужой, залитый дождем асфальт. И голос полицейского, который эхом звучал в голове до сих пор: «Никто не выжил. Мне очень жаль».

Внутри всё рушилось. Кровоточило. Орало от боли и бессилия, но наружу не вырывалось – горло сдавило спазмом, не давая дышать. Она прижала ладонь ко рту, пытаясь заглушить рвущийся наружу стон, и прошептала сквозь пальцы:

– Кейтлин...

Имя подруги прозвучало как молитва, как проклятие, как последний вздох. Рейвен смотрела на фото, но видела уже не металл – видела лицо Кейт, ее вечную улыбку, ее дурацкие шутки, ее привычку наматывать прядь волос на палец, когда Рейвен начинала паниковать. «Рей, ты справишься. Я рядом». А теперь ее нет. Никогда не будет.

– Кейтлин Свон и Уильям Дональд разбились этой ночью, – сухо бросил Итан.

Эти слова врезались в нее, как пули. Последнее слово – «разбились» – застыло в воздухе и стало спусковым крючком. Рейвен вскинула голову. В ее глазах застыл целый мир – тот самый, в котором еще минуту назад была надежда, был туман, было непонимание. Теперь в них отражалась только бездна.

Слезы хлынули не сразу. Сначала она просто смотрела в одну точку на стене за плечом Итана и молчала. Ее лицо побелело, дыхание стало прерывистым, по телу прошла мелкая, судорожная дрожь.

– Ты уехала с ней на вечеринку? Да, Рейв?

– Кейт... – повторила она, но это было уже не имя. Это был крик, застрявший в пересохшем горле.

Она хотела закричать, завывать, разбить что-нибудь, но вместо этого почувствовала, как внутри всё проваливается в черную ледяную пустоту. Боль была такой острой, такой физически реальной, что ей казалось – она сейчас разорвет грудную клетку изнутри, чтобы эта боль наконец вырвалась наружу. Но она не закричала. Она просто встала. Медленно, словно тело стало чужим, непослушным механизмом. Ноги – ватные, руки – безжизненные. Она повернулась к двери и пошла. Ничего не видя. Ничего не слыша.

Голос Итана донесся будто издалека, сквозь толщу воды:

– Рейвен!

Но она не остановилась. Не могла. Ее лучшая подруга, ее Кейтлин, та, что знала все тайны, та, что была рядом даже в самый темный час, – ее больше нет. И мир, только что казавшийся запутанным, но все еще живым, теперь рухнул.

Итан пошел за ней, и вдруг в его голосе прорезалась та нотка, которая появлялась крайне редко – и всегда перед бурей. – Что, язык проглотила?

– Итан, – выдохнула она, обернувшись, и голос ее был чужим, сухим, как пепел. – Не сейчас.

– Не сейчас? – он усмехнулся, но усмешка вышла кривой, злой. – А когда? Когда ты снова нажрешься до состояния овоща и я буду вытаскивать тебя из клуба или из помятой машины по кускам? Когда ты в очередной раз решишь, что лучшее решение всех проблем – это утопить их в дешевом пойле?

Она не ответила. Даже не моргнула. Дернулась, пытаясь уйти, но он схватил ее за запястье – резко, жестко, так, что пальцы мгновенно онемели.

– Стоять. Ты никуда не уйдешь. Хватит! Ты думаешь, я не вижу? Ты думаешь, я не считаю, сколько раз за месяц ты приходишь домой и падаешь лицом в пол?

Рейвен попыталась вырваться, но он держал крепко. Впервые за долгое время в его взгляде не было льда – там бушевал огонь. Злой, обжигающий, почти бешеный.

– Ты знаешь, что сказала бы твоя мать? – выплюнул он. – Если бы она сейчас увидела свою дочь – не ту, которую ты показываешь на публике, а эту – дрожащую, с перегаром? Она бы... – он запнулся на секунду, но тут же продолжил, словно сорвав тормоза. – Она бы перевернулась в гробу, Рейвен!

Рейвен дернулась сильнее, и на этот раз он отпустил ее руку – но только для того, чтобы схватить за подбородок и рывком заставить смотреть на себя. Глаза у нее были сухие, широкие, как у загнанного зверя. В них не было слез – только шок и абсолютная, звенящая пустота.

– Ты хоть представляешь, каково это – каждую ночь ждать звонка из морга или из полиции? – прошипел он, почти касаясь губами ее лица. – Я таскаю тебя из клубов и баров, засовываю тебе пальцы в рот, чтобы ты не захлебнулась собственной рвотой, оправдываю тебя перед самим собой... А ты? Ты просто пьешь и пьешь! И ждешь, когда кому-нибудь станет настолько плевать, чтобы позволить тебе сдохнуть.

Каждое слово было как пощечина. Рейвен не моргала. Дыхание перехватило.

– Я... – начала она, но голос сорвался.

– Не надо. Не надо мне твоих «я». Я устал от твоих «я»! – он отпустил ее подбородок, и она пошатнулась, но удержалась на ногах. – Ты думаешь, ты единственная, кто потерял родных? Думаешь, я ничего не чувствую? Но нет. Я просто собираю осколки после тебя. И знаешь что? Мне надоело. Хочешь убить себя – сделай это красиво. Но не впутывай меня в свое шоу талантов «Как разрушить жизнь за один вечер».

Она стояла, прижав руки к груди, и выглядела так, будто он вынул из нее все кости. Губы дрожали, но ни звука не вылетело.

– А теперь, – Итан тяжело выдохнул, провел рукой по лицу и вдруг стал прежним: спокойным, отстраненным, почти безразличным. – Иди умойся. От тебя разит перегаром.

Рейвен вышла в коридор, не чувствуя ног. Дверь кабинета осталась открытой. Внутри, в наступившей тишине, Итан смотрел ей вслед, и где-то глубоко в груди у него саднило. Ярость и жалость смешались в ядовитый коктейль. Он не знал, что чувствовал на самом деле. Был ли он прав... или перешел черту?

Глава 15

Коридор показался бесконечным – серая труба, стены которой сжимались, давили на виски. Рейвен шла, не видя ничего вокруг. Ее шаги были механическими, неровными, словно у куклы, которой оборвали нити, но она всё еще пыталась двигаться. Она почти не дышала – только короткие, рваные вдохи, которые не приносили облегчения, а лишь жгли легкие сухим огнем.

Мисс Роуз стояла у двери в конце коридора, прижимая к груди стопку белья. Она никогда прежде не слышала, чтобы Итан кричал или хотя бы повышал голос, и от этого ей самой стало не по себе. Увидев Рейвен – бледную, как мел, – она открыла было рот, чтобы окликнуть ее, спросить, что случилось, но слова застряли в горле. Рейвен прошла сквозь пространство, где стояла Роуз, как призрак – неживая, немая, невидящая. Женщина замерла, провожая ее взглядом, полным тревоги и страха.

Поднявшись на второй этаж, Рейвен толкнула дверь своей комнаты. Не хлопнула ею со злости, не закрыла – просто оставила открытой, безразличная ко всему. Комната встретила привычным полумраком, запахом старой мебели и книг. Здесь всё было как всегда, но мир снаружи перестал существовать.

Она рухнула на кровать. Упала на спину, глядя в потолок, затянутый паутиной теней от вечерних сумерек. Телефон сам скользнул в руки. Пальцы дрожали, когда она разблокировала экран – раз, два, три раза промахнулась мимо кода, прежде чем попасть. Иконка сообщений. Чат с Кейт.

Рейвен пролистала переписку до сообщения, отправленного пару дней назад: «Привет, Рей! Я сегодня много думала о нас. Завтра расскажу, когда вернусь. Поздно, так что не жди. Сладких снов!»

Рейвен смотрела на эти буквы. Они расплывались, плыли, сливались в темные пятна. Она нажала на строку ввода. Палец завис над клавиатурой. Что написать? Что сказать? Что она еще могла сказать человеку, которого больше нет? В голове была пустота – ни одной внятной мысли, только белый шум, только гул, только пульсирующая боль, раздирающая грудную клетку.

Она написала: «Кейт, это неправда? Скажи, что это неправда. Пожалуйста».

Отправила. Экран моргнул – сообщение ушло. И следом наступила тишина. Ни одной серой галочки. Ни отметки о прочтении. Ни ответа. Абсолютная, гробовая тишина, которая была громче любого крика.

Рейвен смотрела на телефон, не моргая, затаив дыхание. Секунда. Пять. Десять. Минута. Она перечитала отправленное сообщение, и каждое слово впивалось в нее, как осколок стекла. Прочитала последнее сообщение Кейт – «Сладких снов» – и вдруг осознала, что они стали вечными. Что это были последние слова, которые Кейт когда-либо произнесла. Что больше никогда не будет ни утра, ни дня, ни вечера. Только «сладких снов».

В груди защемило. Остро, до резей, до спазма, который перехватил дыхание. Она попыталась вдохнуть, но воздух не прошел – он уперся в ком, вставший поперек горла, твердый, горячий, душащий.

Слезы наконец хлынули – беззвучно, без рыданий, просто потекли по щекам, падая на экран и размывая имена и слова. Она лежала, свернувшись калачиком на кровати, прижимая телефон к груди, как единственное, что осталось от подруги. И в этой полной тишине, в пустой комнате, в жестоком мире, который снова забрал у нее самое дорогое, она чувствовала себя такой же разбитой, как та машина на фотографии.

Только эхо неотправленных сообщений. Только пустота. Только тишина в телефоне, на который больше никогда не придет ответ.

Глава 16

Две недели прошли как в тумане – сером, вязком, безвременном. Рейвен перестала считать дни. Они слились в одну бесконечную, серую линию: утро, день, вечер, ночь – и снова утро. Она вставала только потому, что нужно было двигаться. Ела, потому что миссис Роуз ставила перед ней тарелку и смотрела, пока та не возьмет вилку. Иногда Рейвен механически жевала, не чувствуя вкуса; иногда просто отодвигала еду, так и не притронувшись.

Она перестала спорить с Итаном. Перестала хлопать дверями и огрызаться. Перестала вообще делать что-либо, что могло бы вызвать хотя бы искру эмоций. Она просто существовала – тихо, незаметно, как тень, скользящая по стенам и не оставляющая следа.

Итан сначала настороженно поглядывал на нее, ожидая привычного взрыва, но его не последовало. Рейвен ушла в себя настолько глубоко, что даже он, привыкший к ее колкостям, почувствовал: внутри нее что-то окончательно сломалось. Ее психолог, Аманда, лишь разводила руками, констатируя явные признаки депрессии.

Лето, которое должно было стать временем смеха, планов и бесконечных разговоров с Кейт, теперь зияло пустотой. Отпуск с родителями стал пустым звуком. Подработка в парке аттракционов, которую они с Кейт так долго обсуждали – мечта вместе катать детей на каруселях и продавать сладкую вату – теперь казалась издевательством. Рейвен даже не открыла письмо от администратора парка с подтверждением собеседования. Просто удалила, не читая. Все, что было связано с союзом «вместе», потеряло смысл.

За обедом в большой столовой, среди звона посуды и запахов пасты и салатов, Итан прокашлялся, привлекая внимание. Рейвен сидела напротив, ковыряя вилкой макаронину и не поднимая глаз.

– Сегодня вечером на ужин приедут важные люди, – сказал он спокойно, но с той тоской, которая не терпела возражений. – Партнеры по бизнесу, с ними жены. Я надеюсь, Рейв, что ты будешь вести себя достойно.

Она пожала плечом, даже не вздрогнув:

– Не парься. Я даже из комнаты не выйду.

Итан нахмурился. Он ожидал чего угодно: вспышки гнева или язвительного комментария про «показушные ужины для богатеньких». Но Рейвен говорила ровно, безжизненно, словно обсуждала погоду.

– Напротив, – твердо сказал он. – Я хочу, чтобы ты была на этом ужине. Ты теперь моя семья. И я настаиваю.

Она медленно подняла взгляд. В ее глазах не было ни злости, ни обиды, ни даже усталости – только пустота, которую он уже научился бояться больше, чем ее криков.

– Как хочешь, – отозвалась она безучастно. – Хочешь показать им счастливую семью? Без проблем.

Итан удивленно повел бровью. Этот тон – слишком покладистый, слишком спокойный – не вписывался в образ той девчонки, которая месяц назад швырнула в стену тарелку и орала, что он ей никто. Он ждал подвоха, но Рейвен просто вернулась к еде, равнодушно наматывая пасту на вилку.

– Хорошо, – наконец сказал Итан, не скрывая легкого недоумения. – Я рад, что ты согласилась. Вечером, в семь. Миссис Роуз поможет тебе с платьем.

Рейвен не ответила. Она смотрела в окно, за которым светило яркое, насмешливое летнее солнце – такое же ослепительное, каким когда-то был смех Кейт.

Итан еще раз взглянул на нее, задержался на секунду, словно хотел что-то добавить, но передумал. Он встал из-за стола и вышел, оставив ее одну в этой звенящей тишине.

Глава 17

Вечер подкрался незаметно – так, как это умеет делать только позднее июньское закатное время, когда солнце еще висит над горизонтом, а тени уже начинают удлиняться, накрывая дом липкой золотистой дымкой. Рейвен сидела на подоконнике, поджав колени к груди, и смотрела, как свет медленно перетекает с одного края неба на другой, окрашивая облака в персиковые и сиреневые тона.

Снизу, из кухни, доносился запах жареного мяса, трав и чего-то сладкого – миссис Роуз вовсю колдовала, готовя угощения для гостей. Слышался звон посуды, шипение сковороды, приглушенные команды экономки кому-то из помощников, которых Итан нанял на вечер. Рейвен знала, что там, внизу, жизнь кипит с четкостью хорошо отлаженного механизма, но ее это не касалось. Она была здесь – за стеклом, по ту сторону всего этого.

Ей было плевать. Плевать на этот ужин, на Итана, на важных людей, чьи имена она даже не потрудилась запомнить. Она даже надеялась, что о ней забудут: закрутятся в прихожей гости, Итан будет сиять, экономка будет разносить закуски, а она останется здесь, в тишине, с книгой, которую так и не открыла.

Но ровно в половине седьмого в дверь постучали.

– Мисс Рейвен? Можно?

Не дожидаясь ответа, Роуз приоткрыла дверь и вошла. В руках она держала большой шуршащий пакет для одежды во всю длину – темный, плотный, явно дорогой. В другой руке – коробка из обувного магазина. Женщина аккуратно закрыла за собой дверь и с мягкой улыбкой посмотрела на Рейвен, все еще сидящую на подоконнике.

– Почему все в этом доме входят ко мне без разрешения? – процедила Рейвен под нос, покосившись на экономку.

– Мистер Блэквуд просил передать вам это к ужину, – сказала та, не услышав ворчания.

Рейвен скользнула взглядом по пакету, потом по коробке, и на ее губах впервые за долгое время мелькнуло что-то, отдаленно похожее на усмешку. Она спрыгнула с подоконника, подошла ближе и, приподняв бровь, спросила:

– Это что, мешок для меня? Чтобы я стояла в углу и отпугивала гостей запахом нафталина?

Миссис Роуз хихикнула, прикрыв рот ладонью. Она была в этом доме достаточно давно, чтобы понимать: Рейвен не злая, она просто... сложенная. И ее шутки – это не оскорбления, а броня.

– Ох, мисс, ну что вы, – женщина ловко расстегнула молнию на пакете и аккуратно достала платье.

Оно выскользнуло из чехла, переливаясь в свете лампы густым темно-зеленым цветом – глубоким, насыщенным, точно мох в сумрачном лесу. Ткань струилась мягкими волнами: легкая, но благородная. Длинные рукава, изящный крой, который обещал сесть по фигуре, как влитой.

Рейвен замерла.

– Ого, – выдохнула она, заметив ценник, все еще приколотый к внутреннему шву. Она присвистнула. – Оно еще и новое? Серьезно?

– Мистер Итан сказал, что оно вам должно подойти.

Роуз улыбнулась теплее, расправляя плечики платья.

– Он выбирал лично. Я думаю, он хотел вас порадовать.

Рейвен хмыкнула, но беззлобно. Она взяла платье в руки – ткань оказалась приятной, прохладной и тяжелой, как качественный шелк с примесью чего-то более плотного.

– Ну да, порадовать. Скорее, показать статус перед важными людьми, – пробормотала она, но пальцы уже машинально гладили подол.

Экономка не стала спорить. Она лишь поставила коробку с туфлями на кровать, кивнула и направилась к выходу.

– Постарайтесь не опаздывать к ужину, мисс Рейвен. Эти люди и правда очень важные, – сказала она на прощание и тихо прикрыла за собой дверь.

Рейвен осталась одна. Платье висело в ее руках, маня и одновременно пугая. Она долго смотрела на него, словно решая, стоит ли поддаваться этой игре. Но любопытство – это вечное девичье «а что, если?..» – пересилило апатию.

Она скинула домашнюю футболку и старые шорты. Затаив дыхание, надела платье. Ткань скользнула по телу, облекая талию, подчеркивая бедра и мягко ложась на плечи.

Рейвен повернулась перед высоким зеркалом в углу комнаты и замерла.

Платье сидело идеально – словно его шили на нее. Темно-зеленый оттенок делал взгляд ярче, еще выразительнее, а кожа на его фоне казалась фарфоровой. Длинный подол касался пола, но не мешал двигаться. Она выглядела... иначе. Она выглядела взрослой. Элегантной. И совершенно незнакомой самой себе.

Рейвен шагнула ближе к зеркалу, вглядываясь в отражение. Лицо было бледным. Но платье... платье делало эту бледность почти красивой, трагической, словно на полотнах старых мастеров. Она глубоко вздохнула и одернула подол.

– Ну что ж... поиграем, – прошептала она своему отражению. – Раз уж ты так этого хочешь, Итан.

Тем временем снаружи, за воротами особняка, слышался шум подъезжающих машин. Одна за другой, три темных автомобиля – два черных «БМВ» и один серебристый «Мерседес» – плавно затормозили у парадного входа. Двери открылись, выпуская гостей.

Первыми вышли пожилые супруги: он – в строгом костюме с галстуком-бабочкой, седой, с благородной осанкой; она – в бледно-голубом платье с жемчужным ожерельем, чуть полноватая, но все еще статная. Оба уже в возрасте, но сохраняли ту особую элегантность, которая приходит лишь с годами и огромными деньгами.

Из второй машины выбралась пара помладше. Женщина с идеально собранными в пучок темными волосами в строгом темно-синем костюме и мужчина рядом с ней – лысый, на голову ниже её, с натянутой, почти механической улыбкой.

Но третья машина привлекла внимание больше всего. Из неё вышла женщина – одна. Жгучая шатенка лет тридцати пяти, с распущенными волосами, падающими на плечи темной волной. Она была в черном облегающем платье, которое сидело на ней настолько вызывающе и откровенно, что сразу стало ясно: это платье – не просто одежда, а заявление. Высоченные каблуки добавляли ей роста, и она двигалась так, будто весь мир принадлежал ей одной.

Итан, стоявший у входа, встречал каждого с привычной улыбкой и уверенным рукопожатием, но, когда его взгляд упал на шатенку, на лице на мгновение мелькнуло предвкушение.

Внутри дома миссис Роуз уже ждала гостей, держа в руках серебряный поднос с тонкими бокалами шампанского. Она приветливо кивала, предлагая напитки, пока Итан провожал всех в гостиную, где на длинном столе, покрытом белоснежной скатертью, уже сиял хрусталь. Разговоры заполнили холл: смех, звон посуды, цоканье каблуков.

А наверху, в своей комнате, Рейвен все еще стояла перед зеркалом, поправляя волосы и собирая последние остатки сил, чтобы спуститься вниз – туда, где, как ей казалось, её уже никто не ждал.

Глава 18

Шаги Рейвен эхом разносились по широкой лестнице, когда она начала медленный спуск. Платье струилось при каждом движении, мягко облекая фигуру, а подол едва слышно шуршал по деревянным ступеням. Она изо всех сил старалась держать спину прямо, хотя внутри всё дрожало от смеси волнения и жгучего презрения к самой себе за то, что поддалась этой игре.

В холле было многолюдно. Гости уже вовсю обменивались светскими любезностями; пахло дорогим парфюмом и предвкушением праздника. Итан стоял у входа в гостиную, что-то оживленно рассказывая пожилому господину, но уловил движение наверху. Его взгляд невольно скользнул вверх.

Он посмотрел мельком и тут же отвернулся. Но через секунду что-то – какой-то неуловимый ритм её шагов или изменение атмосферы в доме – заставило его проверить: не показалось ли ему?

Он перевел взгляд снова. И замер.

По лестнице спускалась девушка, которую он едва узнавал. Темно-зеленое платье, мягкие темно-янтарные волосы, рассыпавшиеся по плечам крупными упругими завитками, бледная кожа. На лице не было привычного, вызывающего макияжа – лишь легкий тон и едва заметный блеск на губах. Её большие светло-зеленые глаза смотрели на мир с той природной чистотой, которая не нуждается в украшениях.

Она шла плавно, почти грациозно. В ней не осталось ни следа той взбалмошной, несносной девчонки, которая в последние недели доводила его до белого каления. Перед ним стояла просто молодая, ослепительно красивая женщина.

Итан поймал себя на том, что смотрит на неё слишком долго. Секунда, вторая, третья... Он не мог отвести взгляд, словно видел её впервые. В голове невольно промелькнуло: «Зеленый ей действительно к лицу».

В памяти вспыхнули обрывки последних дней: как он держал её волосы, пока её рвало в ванной; как она рыдала в подушку; как он буквально таскал её с кухни обратно в комнату, выжатый как лимон от её истерик. И сейчас эта же девушка стояла перед ним – спокойная, элегантная, бесконечно чужая. Ему стало неловко. Перед самим собой – за то, что засмотрелся, и перед гостями, которые уже начали переглядываться, ожидая, что их наконец познакомят с «той самой» девушкой.

Он уже открыл рот, чтобы представить её, но Рейвен опередила его. Она приблизилась легко, почти танцуя. Подойдя вплотную, она положила руку ему на плечо, приподнялась на носочки и, прежде чем он успел сообразить, что происходит, мягко чмокнула его в щеку. Её губы едва коснулись кожи, но Итан почувствовал тепло и легкий аромат – не резких духов, а просто её запах, такой знакомый и в то же время совершенно новый.

– Здравствуй, «дядюшка», – сказала она с мягкой, обезоруживающей улыбкой, отстраняясь ровно настолько, чтобы заглянуть ему в глаза. – Я уже успела соскучиться. Как прошел твой день?

Итан онемел. Он моргнул, растерянно глядя на неё, и пару секунд просто не мог вымолвить ни слова. В голове не укладывалось: эта же девочка еще утром не хотела вылезать из кровати, а теперь стоит перед ним, сияет, называет его «дядюшкой» и делает вид, что между ними всё безупречно.

Но он быстро взял себя в руки – годы деловых переговоров научили его прятать эмоции за маской уверенности за доли секунды. Он улыбнулся в ответ, собственническим жестом обнял её за плечи, притягивая к себе, и повернулся к гостям.

– Знакомьтесь, это моя единственная племянница, Рейвен, – объявил он, чуть сильнее сжав её плечо. – Самый горячо-любимый член моей семьи. Прошу любить и жаловать.

Рейвен изящно склонила голову, принимая роль, которую сама же и выбрала. Она не понимала, зачем ей это. Ведь вся эта показушность – лишь блажь, спектакль для чужих людей. Но в глубине души ей было чертовски приятно видеть растерянность Итана. Приятно чувствовать, что в эту секунду она управляет ситуацией, а не он.

Итан указал рукой на пожилую пару:

– Это мистер и миссис Харрисон, наши давние партнеры.

Супруги вежливо кивнули; женщина окинула Рейвен внимательным, оценивающим взглядом.

– А это чета Вильерс, – продолжил Итан, представляя вторую пару. Те тоже обменялись дежурными приветствиями: мужчина – сдержанно, женщина – с безупречной профессиональной улыбкой.

Затем Итан повернулся к жгучей брюнетке, стоявшей чуть особняком, и улыбнулся той особой улыбкой, которую Рейвен видела впервые. В этой улыбке было что-то нежное, словно он вкладывал в неё гораздо больше, чем просто вежливость.

– А это Лайла, – сказал он, и в его голосе проскользнула едва уловимая интонация, от которой Рейвен всё поняла без лишних слов.

Она окинула Лайлу быстрым, цепким взглядом. Высокая, фигуристая, с пухлыми губами и большими карими глазами. Её декольте было настолько вызывающим, что казалось, оно заявило о себе раньше, чем сама женщина успевала открыть рот.

«Идеальный типаж для богатого мужчины», – холодная мысль мелькнула в голове у Рейвен.

В Лайле было всё, что кричало о статусе: безупречный макияж, ухоженные руки, дорогое платье. Она стояла, слегка выставив бедро, и смотрела на Рейвен с любопытством, в котором сквозила легкая настороженность.

Рейвен натянула самую теплую улыбку, на которую была способна, и протянула Лайле руку.

– Рада познакомиться, Лайла, – сказала она, чуть склонив голову набок. – Я Рейв. Дядюшкина самая любимая... – она сделала паузу, и в уголках её губ заиграла лукавая искра, – ... племянница.

Итан неловко кашлянул, прикрыв рот кулаком. Он узнал этот тон. Узнал этот взгляд.

Рейвен возвращалась к своему репертуару. И её скорбь, и её апатия – всё это, судя по всему, было лишь временной заминкой. Он уже мысленно приготовился к тому, что этот вечер будет... крайне насыщенным.

Лайла ответила на рукопожатие вежливо, но в её холодных пальцах чувствовалась едва заметная неуверенность. Она явно не ожидала такого напора.

– Очень приятно, – ответила она с мягким мексиканским акцентом. – Итан много о вас рассказывал.

– О, я уверена, только хорошее, – парировала Рейвен, не убирая своей безупречной улыбки. – Пойдемте к столу? «Дядюшка», ты же не дашь нам умереть с голоду?

Итан театрально вздохнул, но в уголках его глаз мелькнула тень смеха. Он взял Рейвен под руку и повел гостей в гостиную, где уже был накрыт длинный стол.

– Не переигрывай, – едва слышно шепнул он ей на ухо, сохраняя на лице дежурное выражение спокойствия.

Миссис Роуз стояла поодаль, сложив руки перед собой, готовая в любой момент подать знак официантам, замершим у дверей кухни. На столе сверкал хрусталь, фарфор с золотым ободком и тяжелое серебро – идеальная сервировка для важного делового ужина. В центре возвышалась ваза со свежими цветами, а рядом в ожидании замерли бутылки дорогого вина.

Гости расселись согласно строгому этикету: пожилая пара – с одного края, Вильерсы и Лайла – напротив друг друга. Рейвен оказалась рядом с Итаном, который занял место во главе стола.

Миссис Роуз едва заметно кивнула, и официанты начали бесшумно разносить закуски. Сначала разговор крутился вокруг безопасных, «стерильных» тем: погода, дороги, последние новости строительного рынка. Мистер Харрисон со вздохом жаловался на подорожание материалов, миссис Харрисон послушно поддакивала; чета Вильерс вполголоса обсуждала новый контракт, связанный с Китаем.

Лайла в основном молчала, изредка кивая Итану и посылая ему едва заметные улыбки. Рейвен же сидела с идеально прямой спиной, аккуратно отрезая крошечные кусочки рыбы, и внимательно слушала, впитывая каждую деталь. Она знала: за этим столом решаются не просто дела. Здесь плетутся интриги, проверяются союзники, заключаются негласные сделки. И она здесь – лишь декорация. Красивая, живая, но всё же декорация. Однако, когда взгляд Итана ненароком падал на неё, она видела в его глазах нечто новое. Не раздражение, не привычную усталость, а легкое, почти осязаемое замешательство. Словно он сам до конца не понимал, как эта несносная девчонка могла в один миг превратиться в женщину, от которой так трудно отвести взгляд.

Глава 19

Ужин тянулся размеренно, но под тонкой пленкой светской беседы уже начинало сочиться напряжение. Рейвен сидела с безупречной осанкой, но её внимание было сосредоточено на одной цели. Она ждала момента.

Итан как раз увлеченно обсуждал с мистером Вильерсом логистику поставок, когда Рейвен, сделав маленький, почти изящный глоток воды, вдруг повернулась к Лайле с самым невинным выражением лица.

– Лайла, простите за нескромный вопрос, но вы давно знакомы с моим дядей? – спросила она, чуть склонив голову набок, словно любопытный ребенок. – Он так редко приводит гостей домой. Я уж думала, он вообще никого не впускает в свою крепость.

Лайла улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, как струна. Она отставила бокал и машинально поправила вырез платья – жест, который выдал её легкую неловкость.

– О, мы знакомы уже года три, – ответила она, бросив быстрый, проверяющий взгляд на Итана. – Познакомились на благотворительном вечере. Итан был так галантен, помог мне с одним организационным вопросом.

– Три года... – протянула Рейвен, словно смакуя каждое мгновение этого слова. – Ого. Целых три. А я и не знала. Дядюшка, ты такой скрытный.

Она игриво погрозила Итану пальцем, но в её голосе, вопреки внешней легкости, прорезалась едва уловимая, острая как бритва нотка.

– И ты ни разу не пригласил Лайлу на ужин раньше? – она сделала паузу, обводя взглядом стол, и её глаза блеснули. – Ай-яй-яй. Нехорошо заставлять такую прекрасную женщину ждать.

Итан поперхнулся вином. Он резко поставил бокал на стол и, заходясь в кашле, попытался восстановить дыхание.

– Рейвен, я... – начал он, но Лайла перебила его, вклинившись с мягкой, почти дежурной грацией.

– О, не стоит его винить, – произнесла она, явно стремясь сгладить возникшую неловкость. – У Итана невероятно плотный график. Я всё понимаю. К тому же, он упоминал, что вы... не совсем здоровы в последнее время. Не хотел вас беспокоить.

– Беспокоить? – Рейвен изобразила на лице искреннее, почти детское удивление. – Меня? «Дядюшка», ты слишком преувеличиваешь мою хрупкость. Я чувствую себя превосходно, особенно когда рядом такие очаровательные люди, как Лайла.

Она снова повернулась к гостье и, подавшись вперед, понизила голос до доверительного, обволакивающего шепота, который, впрочем, отчетливо прозвучал за всем столом:

– Скажите, Лайла, а вы часто бываете у Итана, когда меня нет дома?

Она подмигнула, но в этом жесте не было тепла – лишь колющий, вызывающий блеск. Лайла побледнела. Её пальцы заметно дрогнули, и она судорожно вцепилась в ножку бокала, пытаясь скрыть нахлынувшее замешательство.

– Я... ну, мы в основном встречаемся вне дома, – голос её предательски дрогнул. – В ресторанах, на мероприятиях... Итан очень трепетно относится к личному пространству.

– Трепетно, – повторила Рейвен, словно пробуя это слово на вкус, смакуя его тяжесть. – Да, он у нас очень заботливый. Правда, дядя Итан?

Она повернулась к нему, и в её взгляде мелькнуло нечто, что он не смог расшифровать. Это не было открытой злостью. Это была... игра? Или действительно ревность? Но зачем ей ревновать? Еще пару недель назад она закатывала истерики, отказываясь даже смотреть в его сторону, а теперь сидит здесь и плетет кружева из намеков, от которых у него самого мурашки бегут по спине.

Итан откашлялся, поправил галстук и заставил свой голос звучать твердо.

– Рейвен, дорогая, Лайла – наш гость. Давай не будем смущать её расспросами? – он выдавил улыбку Лайле, но в этой улыбке сквозило явное напряжение. – Прости мою племянницу. У неё... весьма своеобразное чувство юмора.

– О, я вовсе не шучу, – возразила Рейвен, изящно беря хлебную корзинку и протягивая её Лайле. – Я просто хочу узнать вас поближе. Ведь если вы так дороги моему дяде, вы должны стать и моим другом, правда?

Она улыбнулась самой сладкой, самой обезоруживающей улыбкой, но глаза её оставались холодными и неподвижными, как изумрудная гладь замерзшего озера.

Лайла взяла кусочек хлеба, хотя было очевидно, что она не голодна. Она растерянно переводила взгляд с Рейвен на Итана. Вечер, который должен был стать триумфальным сближением с влиятельным мужчиной, превратился в изощренный допрос со стороны его странной, непредсказуемой племянницы.

Итан, наблюдая за этой сценой, чувствовал, как внутри него закипает гремучая смесь раздражения и смущения. Он не понимал, чего она добивается. Ревность? Это было абсурдно. Или это просто её привычка провоцировать, проверяя, где заканчиваются его границы?

Но хуже всего было то, что ему стало неловко. Не перед гостями – с ними он справлялся десятилетиями. А перед Рейвен. Потому что каждый её взгляд, каждая полуулыбка, каждый ядовитый намек были адресованы лично ему. И он не знал, как на это реагировать.

– Рейвен, – произнес он тихо, но с той сталью в голосе, которая не терпела возражений. Он наклонился к её уху так, чтобы слышала только она. – Что ты делаешь?

Она повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза. В её зрачках не было и тени раскаяния. Только легкое, почти ленивое удивление, словно она сама не понимала, зачем затеяла эту игру.

– Ничего, «дядюшка», – прошептала она в ответ, и её губы тронула едва уловимая, торжествующая улыбка. – Просто знакомлюсь с твоими друзьями.

Итан сжал зубы и откинулся на спинку стула, уставившись в свою тарелку. Он чувствовал себя так, словно сидит на бочке с порохом, а Рейвен только что чиркнула спичкой. И самое ужасное – он понятия не имел, когда именно она решит поднести огонь к фитилю.

Глава 20

Гости начали разъезжаться около одиннадцати. Вечер, начавшийся со сдержанной светской любезности, к финалу приобрел странную, тягучую атмосферу – казалось, сам воздух в доме сгустился после той сцены за ужином.

Харрисы – мистер и миссис – задерживались дольше всех. Мистер Харрис, грузный мужчина с седыми висками и цепким, оценивающим взглядом дельца, увлек Итана в кабинет под предлогом «обсудить детали контракта».

Итан бросил быстрый взгляд на гостиную. Там Рейвен, сидя на диване и поджав под себя ноги, вела непринужденную беседу с миссис Вильерс. Она смеялась, изящно касалась руки дамы, рассказывала какую-то забавную историю про своего кота – и делала это так естественно, словно всю жизнь тренировалась быть безупречной хозяйкой дома. Но миссис Роуз, которая то и дело появлялась в дверях с подносом для уборки, не раз ловила на себе её взгляд. Она видела, как та, расплываясь в улыбке перед гостьей, на самом деле сканирует пространство, отслеживая каждое движение Лайлы, которая пыталась притвориться увлеченной созерцанием картин на стене.

Миссис Роуз незаметно покачала головой, убирая пустые бокалы. «Чертовка, – подумала она. – Еще даст жару. Этот вечер – только начало».

Лайла явно чувствовала себя не в своей тарелке. Она то садилась на край кресла, то вставала, поправляла платье, нервно теребила браслет на запястье. Она ждала. Ждала, когда Итан освободится.

Наконец, через полчаса Харрисы уехали. Итан вышел проводить их до машины, обменялся дежурными рукопожатиями и задержался на крыльце, провожая взглядом гаснущие огни автомобиля, исчезающие за поворотом аллеи.

Тишина опустилась на дом – тяжелая, влажная, как воздух перед грозой. Он не сразу вернулся в гостиную. Вместо этого вышел на веранду, оперся руками о перила и уставился в непроглядную темноту сада. И почти сразу услышал шаги за спиной.

– Итан? – голос Лайлы был тихим, неуверенным.

Она подошла ближе, встав рядом. Между ними оставалось всего полшага. Лунный свет дробился в её волосах, придавая им серебристое сияние. Она молчала, но в этом молчании было столько недосказанного, что воздух между ними мгновенно наэлектризовался.

– Прости за сегодня, – начал Итан, не поворачивая головы. – Рейвен... Она не хотела... Ей сейчас непросто... – Он замолчал, не находя слов.

Лайла положила ладонь ему на предплечье – легкое, почти невесомое прикосновение.

– Всё в порядке, – прошептала она. – Я понимаю. Она твоя племянница, она просто волнуется за тебя...

– Нет, – резко перебил он, оборачиваясь к ней. – Она не... – он снова осекся, раздраженно провел рукой по волосам. – Просто забудь. Она не хотела тебя обидеть.

Лайла улыбнулась – мягко, понимающе, но в глубине её глаз промелькнула тень сомнения. Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент стеклянная дверь, ведущая на веранду, сухо щелкнула.

Они обернулись одновременно. Рейвен стояла на пороге, небрежно опершись плечом о дверной косяк. Она уже переоделась в длинный шелковый халат цвета темного шампанского. Волосы были распущены и слегка влажны – видимо, успела умыться. Босые ноги. В руке она крутила пустой стакан из-под воды, играя с его тонкой ножкой.

– О, вы тут, – произнесла она с легкой, почти сонной улыбкой. – А я думала, все уже разошлись.

Лайла отступила на полшага от Итана, но сохранила вежливое выражение лица.

– Да, я как раз собиралась прощаться, – сказала она, натягивая дежурную улыбку. – Итан проводит меня до машины.

– Ой, да брось.

Рейвен сделала шаг вперед, грациозно вклиниваясь между ними, и поставила стакан на перила.

– В доме полно места. Оставайся, если хочешь. Я уверена, дядя Итан найдет для тебя...

– она сделала паузу, и в этой паузе, длившейся всего удар сердца, мелькнуло что-то темное, игривое и пугающе опасное, – ...уютную комнату.

Лайла застыла. Она растерянно перевела взгляд на Итана, ожидая его реакции, но Рейвен не дала ему вставить ни слова. Она развернулась к нему – резко и плавно, словно в танце, – и оказалась вплотную к нему.

Прежде чем он успел отшатнуться или осознать происходящее, она приподнялась на носочки. Её ладонь легла ему на щеку – невесомо, почти нежно, а большой палец медленно, почти ощутимо, провел по скуле, словно стирая невидимую пылинку.

И она поцеловала его в щеку.

Но это не был целомудренный поцелуй племянницы. Он длился на секунду дольше, чем позволяли приличия. В нем было что-то тягучее, как теплый мед, от которого невозможно отстраниться, не почувствовав боли. Ее губы задержались на его коже чуть дольше, чем позволяло любое оправдание, и воздух вокруг них, казалось, зазвенел от невыносимого напряжения. Рейвен отстранилась так же медленно, как и приблизилась, и посмотрела ему прямо в глаза. Взгляд снизу вверх – чистый, почти невинный, но с той самой искоркой, которая способна мгновенно поджечь сухую траву.

– Я спать, дядя Итан, – произнесла она голосом, в котором не было и намека на усталость. Только мягкая, почти интимная хрипотца. – Придешь поцеловать меня на ночь?

На веранде повисла мертвая тишина. Лайла замерла, словно каменное изваяние. Она смотрела на них – на эту сцену, которая не укладывалась в голове; на жест, в котором было слишком много интимности; на слова, которые не могла объяснить ни одна логика. Ее лицо стало мертвенно-бледным, пальцы судорожно сжались в кулаки, а затем бессильно разжались. Она сделала шаг назад, споткнулась о порог, но удержалась, судорожно хватаясь за дверную ручку.

– Я... пожалуй, поеду, – выдохнула она. В ее голосе дрожала растерянность, смешанная с чистым, неприкрытым испугом.

Итан стоял оглушенный. Он смотрел на Рейвен, и в его взгляде бушевала настоящая буря: ярость, недоверие, глубокое замешательство. И еще что-то, чему он сам боялся дать имя. Его глаза кричали: «Я тебя уничтожу, если ты сейчас же не прекратишь». Но он молчал. Слова застряли в горле – там, где еще горело ощущение от ее прикосновения.

Рейвен поймала этот взгляд. И улыбнулась – лишь уголками губ, едва заметно, только для него одного. Она знала, что он не скажет ничего при посторонних. Знала, что ей это сойдет с рук. И это знание опьяняло ее сильнее любого вина.

– Доброй ночи, Лайла, – пропела она, даже не обернувшись. И скользнула обратно в дом – босой, бесшумной, как призрак.

Поднявшись к себе в спальню, она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в самом горле. И вдруг – смех. Сначала тихий, похожий на журчание ручья, затем громче, звонче, надрывнее. Она согнулась пополам, зажимая рот ладонью, и смеялась до слез, вспоминая их лица.

Лайла – белая, как полотно, с кукольным лицом, которое на миг утратило всякую светскую маску. И Итан – с этим диким взглядом, в котором смешались желание убить ее и нечто такое, что заставило ее собственное сердце пропустить удар.

«Сделала гадость – и радуется», – пронеслась в голове ироничная мысль. Но была ли это гадость? Или это было что-то совсем другое? Что-то, что она сама до ужаса боялась признать?

Рейвен упала на кровать, раскинув руки, и уставилась в потолок, все еще улыбаясь. Спать она не собиралась. Она ждала. Ждала, когда в коридоре раздадутся тяжелые, решительные шаги.

Глава 21

Шаги раздались ровно в тот момент, когда Рейвен, лежа на кровати и глядя в потолок, мысленно досчитала до трех.

«Три».

Она услышала тяжелое движение вниз – глухой хлопок входной двери. Значит, Лайла уехала. Шаги в холле, на лестнице – неторопливые, но тяжелые, будто каждый шаг давался ему с нечеловеческим трудом.

«Два».

Она приподнялась на локтях, поправила ворот халата, хотя он и так сидел безупречно. Внутри всё трепетало, но она заставила лицо оставаться расслабленным, почти скучающим.

«Один».

Дверь распахнулась без стука. Резко, с глухим ударом о стену. Итан стоял на пороге. Он не переоделся – всё еще в той же рубашке, только верхние пуговицы были небрежно расстегнуты, а рукава закатаны до локтей, обнажая жилистые, напряженные предплечья. Галстук болтался на шее, словно он сорвал его на ходу. Волосы были взлохмаченные, на лбу выступила испарина. И глаза... глаза потемнели, став почти пепельными в тусклом свете ночника. Он выглядел так, будто всю дорогу от веранды до её комнаты сражался сам с собой – и проиграл.

– Итан, – начала Рейвен с легкой улыбкой, садясь на кровати и подтягивая колени к груди. – А я уж думала, ты останешься утешать бедную Лайлу. Она, наверное, всю дорогу домой будет рыдать.

– Заткнись, – сказал он тихо, но голос сорвался на хрип.

Он шагнул в комнату и захлопнул дверь за спиной. Не сильно, но плотно – так, что щелчок замка прозвучал как выстрел. Рейвен лишь приподняла бровь, ни капли не дрогнув.

– Ого. Какие страсти. Ты уверен, что хочешь устроить разбор полетов именно в моей спальне? Не слишком ли это... интимно?

– Что за хрень ты устроила? – он не повышал голоса, но каждое слово било, как удар хлыста.

Он подошел ближе, остановился в полутора метрах от кровати, скрестив руки на груди.

– Весь вечер. Ты, черт возьми, весь вечер вела себя так, будто... будто ты здесь хозяйка. Ты улыбалась, очаровывала этих старых перестав, ты... – он запнулся, с силой сжав челюсти. – Ты при Лайле чуть ли не на колени мне уселась!

– Ну, на колени я не садилась, – поправила она беззаботно, наматывая прядь волос на палец. – До этого, к сожалению, не дошло. Но если ты настаиваешь, я могу исправиться в следующий раз.

– Рейвен!

– Что? – она удивленно вскинула брови, изображая абсолютную невинность. – Я просто хотела, чтобы твоя знакомая чувствовала себя как дома. Ну, знаешь, дружеская атмосфера, семейное тепло...

– Ты поцеловала меня, – перебил он. Его голос дрогнул, и в этом дрожании проступила неприкрытая, болезненная растерянность. – Ты... ты прикоснулась ко мне. Смотришь на меня так, будто я... – он не договорил, проведя ладонью по лицу, словно пытаясь стереть наваждение. – Ты же даже смотреть на меня нормально не могла всё это время! Что это было?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.